18+

Розалия Степанчук

Под чёрным крылом войны

Розалия Степанчук
Под чёрным крылом войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54300829
ISBN 9785449872821

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В книгу вошли 3 новых произведения Розалии Степанчук, посвящённые страшным и трагическим событиям Великой Отечественной войны. Автор – ребёнок военного времени, и её повествования имеют особую ценность, ведь это свидетельства очевидца!..

Содержание

ДЕТИ БЕДЫ 5
ЭВАКУАЦИЯ 5
НЕОЖИДАННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ 13
НА НОВОМ МЕСТЕ 25
У РЕКИ 31
НА ГРАНИ 39
ВОССОЕДИНЕНИЕ 48
НЮРКА – НЮРОЧКА 62
НЮРКИНА ЛЮБОВЬ 62
НАДЕЖДА 83
АННА МИХАЙЛОВНА 91
ШКОЛА 111
Конец ознакомительного фрагмента. 115

Под чёрным крылом войны

Розалия Степанчук

© Розалия Степанчук, 2020

ISBN 978-5-4498-7282-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕТИ БЕДЫ

ЭВАКУАЦИЯ

Слово «эвакуация» знают все. Но не все знают, какой ужасный смысл несло в себе это слово во время Великой Отечественной войны.

В марте 1942 года в Ленинграде началась вторая волна эвакуации населения. Дошла очередь и до детского дома, в котором жили четверо друзей – Элик Пронин и Борис Васильев тринадцати лет, Витя Рюмин двенадцати лет и Саша Иванов девяти лет.

– Ну, ребята, поедем мы с вами в дальние дали, на новые места.– Сказал самый умный из них – Элик. Его родители до войны были учителями, и Элик был начитан лучше, чем его друзья.

– И в школу больше ходить не надо. – Обрадовался Борька.

– Может, пожрать дадут чего-нибудь побольше. – Размечтался Витька.

И только Саша молчал. Он думал о маме, которая умерла от голода, совсем недавно. О папе, которого увезли вместе с институтом, где он работал, и слёзы наворачивались ему на глаза.

Прошли 6 месяцев от начала блокады, и страшная блокадная зима. Всё чаще стало пригревать солнышко, а ехать им предстояло по «Дороге жизни» через Ладожское озеро до железнодорожной станции. Дорога была скользкой от водяной плёнки подтаявшего льда, глубокие полыньи от взрывов вражеских снарядов – от начала до конца пути. Ехать можно было только ночью, из-за опасности авианалётов, а день уже прибывал – наступила весна, так что надо было спешить.

Ох, и страха натерпелись ребята, на этой дороге.

Посадили их в открытый кузов бортовой машины и повезли в темноте, в составе целой колонны таких же машин, в которых ехали, в основном, ребятишки дошкольного возраста, но были и подростки до 15 лет.

Машину, загруженную до предела, мотало из стороны в сторону. Дети сидели, вцепившись в борта, и друг друга. Элик успокаивал Сашу:

– Не бойся, Саша, держись за меня. Скоро мы уже доедем до берега.

Сашу трясло от сильного и промозглого ветра, ледяных брызг из-под колёс и от боязни, что машина перевернётся, и они все утонут, поэтому он промолчал.

Замирали от страха все дети и обе воспитательницы, сопровождавшие их.

Вот машина вдруг опасно накренилась на один бок, и юные пассажиры, чуть не скатились, как с горки, в ледя-

ную воду, – бывало и такое. Воспитательница, Нина Ивановна, сидящая с края, вдруг истошно вскрикнула – машина так накренилась, что, если бы она протянула руку, то зачерпнула бы ледяной воды. Но тут шофёр выровнял машину, и поехал дальше. Ехали медленно и долго, объезжая полыньи и ещё не растаявшие торосы. Всем казалось, что этой страшной поездке по размытой дороге с глубокими полыньями, при сильном ледяном ветре и под призрачным светом бледной луны – не будет конца. Все окоченели, но не жаловались, терпели. Эта была дорога смерти, которая подстерегала их каждую минуту, она останется в их памяти на всю жизнь.

Когда желанный берег начал уже просматриваться тёмной полосой, вражеская артиллерия начала стрелять по озеру, не прицельно, а наобум. Дети видели, как взлетали фонтаны воды со льдом – то слева, то справа. Но сильнее бояться, чем они уже боялись, просто не было сил. Ребятишки становились безучастными к непрерывной опасности этой дороги.

К концу пути многие из них, уставшие от монотонного и натужного звука работающего мотора, и раскачивания машины, задремали, опустив голову на грудь, – ведь это была ночь.

Наконец, машина выехала на твёрдую дорогу, и быстро помчалась к станции, где стоял эшелон из теплушек, готовый к отправке. Сонных и озябших ребятишек, у которых от долгого сидения ноги казались ватными, построили и пересчитали. Они сбились в кучу, стараясь хоть как-то сохра-

нить остатки тепла, зевая, дрожа и поёживаясь, закрыв глаза, стояли, покачиваясь, терпеливо ожидая своей очереди на посадку. А время, казалось, остановилось, хотя ночное небо начало бледнеть.

Первыми погрузили самых маленьких детишек – до четырёх лет, их набралось 3 вагона, потом – детей до 15 лет. Последними, заполнили вагоны-теплушки взрослые, которым выдали разрешение на эвакуацию. Все надеялись, что в вагоне будет тепло, но это был необычный вагон.

Теплушка военного времени – это пустой вагон – без освещения, полок, столиков, и, главное, без туалета. С одной широкой дверью, которая на остановках открывалась настежь, сдвигаясь в сторону. Но в центре вагона стояла маленькая железная печка-буржуйка, которая топилась дровами и углём, если они были. Тепло от такой печки было только в непосредственной близости от неё, остальное пространство теплушки – холодина и сквозняк.

Не на Урал и не в холодный март можно было бы ехать детям в таких теплушках, но выбора не было. Многие дети приехали в Свердловск совсем больными, от холода, голода и усталости, с разными простудными заболеваниями. Некоторые, очень ослабленные дети не пережили этого скорбного пути, но, выбирая между жизнью и смертью целого поколения, приходилось идти на вынужденные жертвы.

Когда разместились на полу, детям выдали по маленькому кусочку хлеба и стакан жидкого чая. Элик, получив свой

хлеб, начал помаленьку отщипывать кусочки, и тщательно их пережёвывать, запивая чаем. Так учила его мама, когда была жива. Борька, глядя на него, тоже, сдерживая себя, растягивал удовольствие, пытаясь обмануть свой желудок, который недовольно урчал.

Витюшке было всего 12 лет, он очень хотел есть, и не умел ещё себя сдерживать, поэтому мальчишка запихал в рот весь свой кусочек, и, не успев его как следует прожевать, нечаянно проглотил, чуть не подавившись. Он, сидя на полу вагона, подтянул ноги, наклонил голову и заплакал, его желудок свело спазмом от такого питания. Мальчику стало легче, когда он выпил свой чай. Саша съел свой кусочек машинально, не почувствовав ни вкуса, ни сытости.

Никто из детей в вагоне не попросил ещё хлеба – все знали, что добавки не будет. Потом четверо друзей придвинулись в угол, и, привалившись друг к другу, уснули под мерный стук колёс.

Утро не принесло ничего хорошего. Поезд неожиданно резко остановился. Дверь вагона открылась, впустив холодный воздух, и грубый мужской голос прокричал:

– Все быстро из вагона, авианалёт, бегите в посадки вдоль дороги! – Дети, ещё сонные, худо-бедно согревшиеся, вяло зашевелились. Взрослые подгоняли их:

– Быстро, быстро, дети! Самолёты сейчас будут стрелять по вагонам, тащите тех, кто не проснулся к выходу. Затаитесь под деревьями.

Элик с Борькой подхватили Сашу, и, подталкивая к выходу Витьку, вывалились из вагона. Самолёт уже заходил со стороны паровоза и резко снижался для атаки. Ребятишки бросились в посадки, и вскоре услышали: та-та-та-та! Это крупнокалиберный пулемёт расстреливал вагоны. Самолёт разворачивался для атаки трижды, потом улетел. Ни травы, ни листьев на деревьях, ещё не было. Ребятишки, не обращая внимания на самолёт, и мальчики, и девочки, присели по нужде, ведь туалета в вагоне не было. Обычные человеческие чувства притупились.

Когда вернулись в вагон, обнаружили, что крыша прострочена дырками, как швейной машинкой. Теперь дуло и оттуда, особенно ночью. В соседних вагонах были жертвы – не всех малышей успели вынести.

До первого эвакопункта ехали двое суток. Там, специальная команда, увезла погибших в дороге детей и взрослых для захоронения.

Остальных покормили горячим супом без мяса, зато с капустой, картошкой и капелькой растительного масла. Детей предупредили:

– Ребята, кушайте помаленьку, хорошо пережёвывайте пищу, а то заболит живот и будет понос, а туалета в вагоне нет. – Но голодные и измученные детишки не прислушивались к этим советам, и торопливо выхлёбывали этот суп, прямо через край мисочки, не прикасаясь к ложке. Суп исчез быстрее, чем хотелось, и ничего другого не предвиделось.

Надо было освобождать место для других страждущих, стоящих в очереди за супом.

Когда детей построили и повели в туалет, они увидели, как по «железке», протащили искорёженный паровоз, пострадавший где-то в пути во время бомбёжки.

Целую неделю, добирался эшелон с детьми до Свердловска, часто и надолго останавливаясь, и пропуская военные грузы. И всё это время, дети сидели на полу, не снимая верхней одежды, не умываясь и не причёсываясь, а ведь в вагоне были и девочки.

Но вот, наконец, эшелон прибыл в Свердловск. Его поставили на запасной путь. К вокзалу пришлось тащиться пешком, хорошо, что налегке. Только за самыми маленькими пришла машина.

Дети с ленинградского эшелона выделялись в толпе. Это были бледные дистрофики с потухшим взглядом, безучастные ко всему, что их окружало. Детей снова покормили супом.

Оказалось, что эшелонов с эвакуированными скопилось не меньше десяти. На станции стояли шум, гам и неразбериха. Все что-то кричали, доказывали, спорили, толкались, куда-то спешили. Одна толпа вклинивалась в другую, разрезая её, как волнорез. Сопровождающие охрипли от крика, призывая своих подопечных детей. Нина Ивановна с напарницей вела детей в здание вокзала, там им должны были сообщить место окончательного пребывания. И никто в том мо-

мент не мог знать, что никто из четверых друзей жить в детдоме больше не будет.

У Витьки Рюмина после супа закрутило в животе. Он увидел в стороне от перрона уличный туалет, и помчался туда, не успев сказать об этом Нине Ивановне. Он сидел над загаженной и зловонной дыркой долго, пока весь не переваренный суп, не покинул его кишечник. Бумаги в туалете, конечно, не было, воды в кране – тоже. Обессиленный, и пропитанный запахом туалета, Витька, пошатываясь, вышел наружу, и побрёл к вокзалу, надеясь отыскать свою группу. Но тут, его чуть не сшибла с ног, новая толпа беженцев, она закрутила его, как в водовороте, и Витька, совершенно ослабевший, присел к какому-то забору, теперь уже не зная, в какую сторону идти. Ему все здания казались одинаковыми. Он подумал:

– Посижу немного, и пойду искать своих. – Живот у него болел уже вполне терпимо, поэтому Витька, радуясь такому облегчению, задремал у этого забора, набираясь сил. Сидеть там было холодно и грязно, но перейти на другое место он уже не мог.

НЕОЖИДАННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Его разбудил осмотрщик вагонов:

– Ты что это здесь расположился, как у себя дома на постели? – Пошутил он. – Откуда ты взялся и куда направляешься?

– Я только сегодня из Ленинграда приехал в детский дом, да пока бегал в туалет, потерял своих. Вы не знаете, где все наши?

– Вон оно что! Так ты из Ленинграда! То-то я вижу, что ты такой румяный, да толстый! – Витька невольно улыбнулся этой шутке. Правда, его улыбка напоминала гримасу тощей обезьянки.

– Так ваших, уже отправили электричкой в Первоуральск. Но ты не горюй. Я тебя посажу на следующую, а там уж ты и найдёшь своих. А пока пойдём-ка в бытовку, я тебя чайком напою.

В бытовке Витька смог, наконец, помыть свои грязные руки. Добрый дядя Сеня дал ему кусочек пирожка с капустой и стакан крепкого сладкого чая. От тепла бытовки, и от этой еды, у Витьки зашумело в голове, и он снова задремал.

– Ну, поспи пока, а как придёт электричка, я тебя разбужу.

В электричке было народа – не протолкнуться. Витька пробрался в тихий закуток, и присел на корточки, прислонившись к стенке. Осмотрщик, дядя Сеня, провожая его, дал

ему с собой ещё кусочек пирожка в газетке, предупредив:

– Сразу-то не ешь, Витёк, потерпи, а то опять понос прошибёт. Ехать тут недалеко, чуть больше двух часов. Вот когда приедешь на место, на вокзале в буфете купишь себе чаю, вот тебе 3 копейки. И только тогда, помаленьку, съешь этот пирог, запивая чаем. Ну, бывай, парень, расти большой и здоровый! – И он, помахав рукой, отправился работать.

Когда проехали первый перегон, машинист по радио объявил:

– Приготовьте билеты к проверке, на линии контроль. Безбилетники будут доставлены в отделение милиции для составления протокола. Витька испугался – у него не было билета, и в милицию он не хотел. Увидев, что несколько человек направились к выходу, Витька полез за ними, решив, что это тоже безбилетники. Электричка остановилась, и Витька вышел на утоптанную площадку, вместо перрона. И было-то ему только 12 лет. Он понятия не имел, как правильно поступить, и действовал по наитию.

– Как же я тогда найду своих? – Вяло подумал он, потом решил: – Да ладно, не найду и не надо, не шибко это большое удовольствие жить в детдоме. Может как-то всё по-другому устроится. Если что, мне помогут найти мой детдом в Первоуральске.

Электричка покатила дальше. Витька осмотрелся. На этой станции была какая-то деревня. Он подошёл ближе к домам, кругом были глухие заборы и дворы под навесом. Маленькие

окна недружелюбно смотрели на Витьку. Он не знал, что делать дальше. Просить милостыню он не мог, воровать – тем более, ведь он пионер. Размышляя, он, не торопясь, прошёл деревню и дошёл до речки. Присел отдохнуть и съел пирожок из газетки. Запить было нечем, но это ничего, зато, сыт. Настроение улучшилось, хотя, была вторая половина дня, а он так ничего и не придумал.

Витька медленно побрёл вдоль реки, она была ещё подо льдом, и от неё несло холодом, а он всё шёл и шёл по узкой тропинке, сам не зная, куда. Чем дальше он шёл, тем чаще он переводил дыхание, отдыхая. Что влекло его в эту сторону, он и сам не знал, и не думал об этом.

Наконец, он увидел какой-то домишко-не домишко, шалаш-не шалаш, какое-то строение, и пошёл туда. Дойдя до домика, Витька присел на пенёк возле невысокого деревянного столика, передохнуть и, надеясь, что его заметят. Голова его кружилась от усталости. Витька закрыл глаза. Ему казалось, что он пришёл на край света. На самом деле, от деревни Витька прошёл не больше километра.

Дверь открылась, и вышел старичок с ноготок, ростом почти как Витька, но с короткой бородой и косматыми бровями над колючими глазами. На нём была видавшая виды телогрейка и ватные штаны, заправленные в валенки с галошами. На голове – какая-то немыслимая, вытертая и порыжевшая шапка, из – под которой, торчали седые космы.

– Вот так дед, на лешего из сказки похож. И избушка

у него наверно на курьих ножках. – Подумал Витька, разглядывая деда.

– Это кто же ко мне на заимку пожаловал? – Мягким басом произнёс мужичок. Звук этого голоса успокоил Витю, он почувствовал, что этот старичок поможет ему. И он рассказал короткую историю своей жизни, включая эвакуацию. Старик слушал, не перебивая, потом сказал:

– Витюшка, значит, сирота одинокий, как и я. А я дед Митяй, рыбак, стало быть. Ушёл я от людей-то, старался подальше от них держаться, да видно судьба послала мне тебя, нежданно-негаданно, в помощники. Старею, ноги-то от сырости болят, даже за хлебом стало трудно в деревню сходить. Поживёшь у меня на свежем воздухе, травками тебя отпою, может, и окрепнешь, а там видно будет. Рыбу-то ловил когда-нибудь?

– Папа ловил, а я только рядом был.

– Ничего, рыбалка дело нехитрое, научу. Ты как, ленивый парень, али нет? – Витька смущённо пожал плечами, не зная, что сказать. Потом придумал: – Я буду стараться, дедушка.

– Ну, пошли, Витя, потчевать тебя буду помаленьку, а потом воды нагреем и помоешься.

А, тем временем, когда Витька убежал в привокзальный туалет, и не пришёл обратно, его друзья и Нина Ивановна забеспокоились, но им сказали, что никуда мальчишка не денется, его найдут и доставят в детский дом позднее.

Расположились на полу табором, как цыгане. Сидячих мест всё равно не было. К Нине Ивановне подошёл какой-то мужчина. Они переговорили, и она подозвала к себе Элика с Борькой и ещё нескольких ребят 13—14 лет. Мужчина провёл их в кабинет дежурной по вокзалу, усадил на стулья, и обратился к ним:

– Меня зовут Владимир Андреевич, я директор ремесленного училища. – Он помолчал.

– Ребята, вся наша страна нацелена на то, чтобы победить врага. Наша Красная Армия бьётся, не щадя сил, и мы с вами должны ей помогать. Здесь, в Свердловске, сейчас есть заводы, где плавят металл, из которого делают танки, пушки, снаряды для наших солдат. Но на этих заводах не хватает рабочих рук, особенно знающих специалистов-рабочих. Нам нужны слесари, токари, фрезеровщики и другие. Я предлагаю вам пойти учиться в Свердловское ремесленное училище, и, получив одну из этих профессий, влиться в ряды защитников Родины. Кто согласен, поднимите руки.

Руки подняли все.

– Молодцы! Через год, когда вы получите специальность, вы станете комсомольцами, верными помощниками нашей партии во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

– А теперь, коротко расскажите мне о себе. Начнём с тебя. – Он указал на Элика, потому, что тот был выше других ребят.

– Меня зовут Элик Пронин, мне 13 лет, в июле будет 14.

Учился в 7 классе.

– Какое необычное у тебя имя!

– Да. Мой папа учитель физики, он и придумал мне имя Электрон, сокращённо Элик. В то время, когда я родился, принято было давать необычные имена. У нас в классе был мальчик по имени Трактор, девочки Милиция и Индустриализация. – Ребята согласно закивали, припоминая похожие случаи.

– Мама тоже учительница – русского и литературы. Жили мы в Ленинграде. Когда началась война, папа ушёл на фронт. Мама погибла от осколочного ранения, когда возвращалась из школы.

Я остался один и попал в детский дом. – Голос Элика дрогнул, но он сдержал слёзы.

– Этот парнишка будет в их группе лидером. – Подумал Владимир Андреевич.

Затем все ребята рассказали о себе. Истории их были похожи – одна печальнее другой.

– Сейчас вы все подпишете этот протокол, и копию его я передам вашей воспитательнице, а потом пойдём обедать в столовую.

Жизнь заставила этих ребят повзрослеть слишком рано. Мало кто из них дожил до пенсионного возраста, а если и доживали, то недолго пользовались благами оплаченного ничегонеделания.

А сейчас мальчишки радовались, что они не вернутся

в детский дом, что жизнь их изменится, и они будут работать наравне со взрослыми, забыв о блокаде, обстрелах, смерти близких и чужих, о голоде и лишениях в ледяной квартире зимой.

Пока на вокзале его старшие друзья вступали в новую жизнь, Саша Иванов увидел в зале ожидания вокзала свободное место, и сел на него. И тут он услышал разговор двух мужчин, сидящих рядом.

– Наш институт прямо разбух от светил науки. Кто только к нам не приехал со всех концов страны. Из Москвы и Ленинграда, с Украины и из Белоруссии.

У Саши застучало в голове от волнения:

– Ведь мама говорила, что папа мой тоже уехал с институтом куда-то на Урал или в Сибирь, точно не помню. Я всё равно не знал, где они находятся. А вдруг, он сюда уехал, здесь же Урал, и я его найду. – Сердечко его радостно заныло, так, что уши покраснели. Он решил спросить об отце:

– А в вашем институте нет учёного по фамилии Иванов Андрей Николаевич? Я из Ленинграда, и мой папа уехал со своим институтом. – Мужчина оглядел Сашу, пожалел его про себя, и ответил:

– Нет, малыш, учёного с таким именем из Ленинграда у нас нет. Но, может быть, он приехал в другой институт? Какая у него специальность?

– Не знаю. – Опустив голову, прошептал Саша. А мужчи-

ны вернулись к прерванному разговору.

– Если здесь не один институт, то надо просто поискать, и найти папу. – Такая мысль могла прийти только малышу в его, Сашином, положении. – Пойду по городу, буду читать надписи, и спрашивать у людей. – Он не представлял, какую непосильную цель он перед собой поставил.

Саша встал и вышел из здания вокзала в город, никем не замеченный.

Лидия Максимовна Сандалова, врач-терапевт эвакогоспиталя, шла по городу после напряжённого рабочего дня. Сегодня опять прибыло несколько эшелонов с ранеными солдатами и эвакуированными гражданами. Среди них много больных по её профилю. Рабочий день её, формально, закончился ещё три часа назад, но главный врач попросил Лидию Максимовну поработать ещё, немного отдохнув. Она не возражала, дома её никто не ждал, поэтому она приходила туда только по необходимости.

Муж Лидии Максимовны ушёл к молодой искательнице приключений, когда их сыну, Саше Сандалову, было 10 лет. Вся жизнь её с этого момента была посвящена сыну. Он был идеалистом и мечтателем, совсем, как его отец. А отец Саши перед войной решил вернуться к своей жене, будучи многократно обманутым своей молодой женой. Но Лидия Максимовна простить его предательства не смогла.

Когда началась война, она могла сделать сыну бронь, что-

бы он работал в госпитале. Но Саша даже слушать об этом не захотел. Он ушёл на фронт. Попал под Белгород, и погиб там, в сентябре 1941 года. Она осталась одна. Ей казалось, что смысл её жизни погиб вместе с сыном.

У неё оставалась только работа, она заменила Лидии Максимовне всё, что было ей дорого до смерти Саши. Душевная рана ещё не зажила, и с этим ничего нельзя было поделать.

– Как жаль, что мой мальчик не успел жениться, и не оставил мне внука. Мне было бы для кого жить. – Иногда думала она.

Сегодня Лидия Максимовна шла в Дом связи на улице Ленина – сестра из деревни прислала ей посылку.

День клонился к вечеру. Сумерки опускались на город. Была уже вторая половина марта, но весна ещё не вступила в свои права, и к вечеру похолодало. Чтобы получить посылку, пришлось постоять в очереди. Ей выдали фанерный ящичек, который оказался тяжёлым, и Лидия Максимовна поняла, что без машины ей не обойтись.

Она вышла на крыльцо Дома связи, и стала раздумывать, что ей делать с этим ящичком. И тут она услышала какой-то звук – не то котёнок пищит, не то младенец плачет. Она повернула голову на звук, и увидела в углу за высоким крыльцом фигурку ребёнка, сжавшегося в комочек.

Это был Саша Иванов. Он устал, его клонило в сон, но детский страх темноты и холод, держали его в напряжении. Он не ел целый день. Папу и его институт он так и не нашёл.

На остановку Ленина-Толмачёва он приехал на трамвае – ему сказали, что там недалеко есть институт, но найти его не хватило сил.

Он сидел, не в состоянии больше двигаться, и тихонько поскуливал, как щенок.

Лидия Максимовна спустилась с крыльца, и, обогнув его, подошла к нему. Он весь дрожал, лоб его горел огнём. Он был похож на маленького грязного зверёныша. Мальчик открыл глаза, и посмотрел на неё. Что произошло в этот момент между этими одинокими душами? Какая-то невидимая связь установилась между ними. Видела и раньше Лидия Максимовна беспризорников, особенно, с тех пор, как в город хлынули толпы эвакуированных бедолаг. Но ничего подобного она при этом не испытывала. А к этому подкидышу потянулась вдруг её душа, и поняла она, что он – её спасение. Они в этой жизни спасут друг друга от тоски и одиночества.

Она не стала расспрашивать его, а подхватила его худенькое тельце на руки, и вернулась к крыльцу с посылкой. Неожиданно для неё самой, давно забытое чувство нежности охватило Лидию Максимовну – эту сильную женщину с непреклонным характером.

Впервые она растерялась, не зная, что делать. Чтобы позвонить в госпиталь, надо было вернуться в Дом связи. Но что делать с посылкой, когда на руках ребёнок!

И тут она увидела военного, который поднимался по ступенькам Дома связи.

– Товарищ майор, прошу Вашей помощи. Я врач эвакогоспиталя. Только что я нашла этого малыша за крыльцом. И ещё у меня тяжёлая посылка. Я дам Вам номер телефона, пожалуйста, позвоните в госпиталь…

– Я на машине, и отвезу Вас, куда скажете, только получу письмо до востребования.

Он вернулся быстро, отвёз Лидию Максимовну домой, и занёс ей посылку.

Она налила в ванну тёплой воды, быстро раздела мальчика. Через полчаса он лежал в тёплой и чистой постели. Он очнулся и с благодарностью посмотрел на неё.

– Кто Вы, тётя? – Тихо спросил он.

– Я твоё спасение. Выпей лекарство и спи.

– Меня зовут Саша. – Прошептал мальчик и отключился.

– Это судьба послала мне этого несчастного ребёнка, даже имя его, как у моего сына.

Лидия Максимовна позвонила в госпиталь, объяснила ситуацию, и пообещала завтра с утра выйти на работу. Потом она позвонила соседке, попросив её зайти.

Они договорились, что соседка, Маруся, будет присматривать за малышом, пока Лидия Максимовна на работе.

Саша крепко спал, и Лидия Максимовна занялась посылкой.

Её старшая сестра Клавдия жила недалеко от Свердловска, в лесничестве. Муж её до войны был лесником, а Клавдия, бухгалтер по образованию, вела домашнее хозяйство.

У них была корова, свинья, пуховая коза, куры. Племянник Саша, родной сын Лидии Максимовны, всё лето, бывало, проводил в лесу у тёти. Вместе с двоюродными братьями, он купался, загорал, помогал по хозяйству.

Два сына Клавдии воевали. Теперь, её муж работал в совхозе на ферме, а она по-прежнему вела хозяйство и считалась лесником. У неё были помощники – муж и жена, жители соседней деревни.

Областное начальство берегло её и опекало, а она его подкармливала, хотя ей и платили за это смешные деньги. Всё было пристойно и взаимовыгодно.

В посылке было всего понемножку: кусочек домашнего сыра, кусочек сала, баночка с мёдом, лук и чеснок со своего огорода, и мелкие сухарики настоящего чёрного хлеба – целый холщёвый мешочек. Немыслимое богатство по тем временам.

Лидия Максимовна написала сестре благодарственное письмо, сообщив ей о своей «находке».

НА НОВОМ МЕСТЕ

Закончилась весна, и пришло долгожданное лето. Элик с Борисом лежали в больнице, лечились от дистрофии и малокровия. Сюда их устроил Владимир Андреевич, директор РУ. Учебный год начнётся с 1 июля, а пока ребята копили силы для учёбы и ударного труда на заводе. Плохонько кормили в больнице в то время, но ребятам, изголодавшимся в блокаду, еды пока хватало. Главное, ушли изнуряющие холода. Их наголо остригли, хорошо отмыли. Владимир Андреевич прислал им форму РУ, и теперь они могли гулять по больничному парку, читать книжки. Но безделье им уже надоело, не терпелось начать обучение профессии.

К началу учебного года ребята уже почти ничем не отличались от местных сверстников. Жить их определили в общежитие РУ, и они очень скоро почувствовали разницу между больницей и «ремеслухой». Но тогда все жили трудно. Как говорили в народе – «война – не мать родна».

В учебное время постигали тонкости профессии, остальное же время были предоставлены сами себе. И всё их свободное время было занято поисками еды. Кормили их один раз в день – в обед давали порцию супа с кусочком хлеба, и стакан жидкого чая. Правда, хлеб здесь был лучше ленинградского, но его было так мало. И есть хотелось не один раз в день да побольше.

Как только не изобретали ребята для себя пропитание. Ещё находясь в больнице, Элик и Боря подружились и с другими подростками-ленинградцами из их детдома. Теперь они стали сплочённой группой.

Летом и осенью они, чтобы не умереть с голоду, вместе воровали картошку на совхозном поле по ночам. Если бы их поймали, посадили бы в тюрьму лет на 5, но голод – не тётка. В то время могли посадить и за 10 колосков, украденных с поля, и за катушку ниток с фабрики.

Ребята ездили и на городской рынок помогать торговцам. Торговцы расплачивались продуктами, или небольшими деньгами, на которые они покупали хлеб и конфетки – «атласные подушечки». Сладкого и солёного им сильно не хватало. Им много чего не хватало в то время. Но они, уже много пережившие, радовались, что у них есть крыша над головой, и кровать в тёплой комнате.

Правда, одёжка у ребят плохонькая, хлопчатобумажная, не для уральских морозов, ботинки совсем не греют. Ноги в них замерзают – не успеваешь до завода добежать. Но Элик додумался обёртывать ноги газетами вместо рваных носок, и вместо стелек – тоже газеты подкладывать, и стало намного лучше. Нитяные перчатки порвались, в первые же, две недели холодов, но ребята научились штопать дыры, и рукам стало теплее. Бельё своё, кроме постельного, стирали сами, при этом шутили:

– Мы ленинградцы и держим марку! – В общем, их суще-

ствование было испытанием на выживание. Ведь им на ту пору было только по 14 лет.

С первого дня учёбы ученики РУ ходили на практику на завод, чтобы на месте закреплять свои знания, полученные на уроке. Это было нелегко. Физические нагрузки требовали полноценного питания и отдыха. Они считались иждивенцами у государства, находясь на гос. обеспечении, и продовольственных карточек не получали, поэтому ребята мечтали быстрее стать полноправными рабочими, чтобы получать эти самые карточки, и питаться не от случая к случаю.

Наконец, это время настало!

В июне 1943 года их обучение закончилось. Большинству из них исполнилось 15 лет. Мастер, проверив их навыки, лучших допустил до работы, и выдал им рабочие карточки. Остальных приняли учениками по их профессии, и выдали карточки иждивенцев. Среди них оказался и Борис. Это была очень действенная мера исправления нерадивых учеников, – так считало начальство. Правда, от этой меры они стали ещё слабее. Теперь Боря с Эликом пользовались обеими карточками вместе, деля продукты поровну. Так у Борьки был шанс дожить до Победы.

Самое неприятное, что по окончании училища ребят выселили и из общежития. Им предоставили для проживания недостроенный дом без цоколя, стоящего, на временном фундаменте. Там не было ни печей, ни плит, ни дверных замков, ни вторых рам на окнах. Правда, туда завезли железные

кровати, ватные матрасы с тощими подушками и байковые одеяла.

Дом этот обещали достроить в следующем году, но как пережить в этом доме уральскую зиму!

Человек может привыкнуть ко многому, но привыкнуть к холоду невозможно. Кроме ребят из Ленинграда в этот дом печали привезли выпускников ремесленных училищ из других городов.

Их мастер, пожилой рабочий, отец троих детей, пожалел ребят. Он пошёл с ними по начальству.

Ребятам установили буржуйки с плитой, где можно поставить котелок или кастрюлю, чтобы вскипятить чай или сварить еду, только из чего её варить? Дыры в оконных рамах заткнули старой ватой. Элик с Борькой одним матрасом закрыли окно, и стали спать вдвоём на узкой кровати. Так было теплее – спать, тесно прижавшись под двумя одеялами и телогрейками. В общем, начались для них новые мытарства, а не жизнь.

Этих мер для утепления помещения оказалось недостаточно, чтобы можно было там жить. От пола несло ледяным холодом не меньше, чем от окон. Ребята сразу вспомнили блокадную зиму. Здесь было не лучше. Буржуйка грела, только когда её непрерывно топили, а ребятам хотелось спать, да и топлива было мало.

Работать приходилось по 12—14 часов в сутки. В конце концов, зимой, в общагу, ребята ходить перестали, а стали

жить и работать, не выходя с завода. К весне на них жалко было смотреть – грязные, тощие, вшивые, оборванные, с красными глазами от недосыпания.

Зато из Ленинграда пришла хорошая новость – блокада Ленинграда снята 27 января 1944 года. Элик с Борисом сразу написали письма домой, и получили ответ, что их отцы живы, и после длительного пребывания в госпитале, вернулись в свои квартиры. Ребята засобирались домой, но их не отпускали.

Тогда расторопный Элик послал отцу телеграмму: «Не отпускают. Вышли справку нуждаешься в уходе по ранению». Борис сделал то же самое. Справки они получили, и их, наконец, в марте 1944 года отпустили. Но так повезло не всем.

Прошло ровно 2 года после эвакуации на Урал. Не успев, как следует окрепнуть, они подверглись тяжёлой нагрузке, и это не прошло для них даром. Из семи подростков из Ленинграда, прошедших школу жизни на заводе, четверо заболели туберкулёзом, среди них и Борька Васильев. Он часто болел, а кашлять не переставал с начала холодов. Элик оказался покрепче, но тоже ослаб.

В Ленинграде он окончил вечернюю школу, поступил в институт, потом окончил аспирантуру, и стал учёным физиком. А вот Борису не повезло. Лечение от туберкулёза не помогло, и он умер в 17 лет, весной 1946 года. Элик тяжело переживал безвременную смерть друга, но изменить ничего было нельзя.

Он сказал своему отцу после похорон:

– Может, лучше было бы, чтобы он умер ещё в блокаду, он и тогда уже был на грани. Тогда бы ему не пришлось пройти и другие круги ада.

– Нет, сынок. Борис тоже защищал Родину, как и ты, и мы на фронте. А ещё скажу тебе, сынок, когда я лежал в госпитале, я видел, как искалеченные солдаты цеплялись за каждый день и час жизни. Никто не просил смерти, все хотели жить, не думая о том, какую жизнь им, искалеченным, придётся вести. Жизнь, даже не такая, как у всех других, – это самое лучшее, что может подарить нам судьба. Жаль его отца. Тяжело потерять сына, лучше самому два раза умереть. Теперь он совсем один остался. Будем ему помогать, чем сможем.

Элик посмотрел на отца и сказал:

– Папа, как я счастлив, что война не отняла тебя у меня. В самые трудные моменты, я вспоминал вас с мамой, а таких моментов за два года эвакуации не счесть. Когда мы ехали на Урал, нас было четверо друзей. Борьки больше нет, а где ещё двое, самых младших, никто не знает. Сгинули где-то. Очень хочется верить, что они ещё живы. Милиция искала их, да так и не нашла. Я ходил на то место, где был наш детский дом. Его ремонтируют и скоро собираются привезти тех, кто выжил, в Ленинград. Может, их найдут родители или хоть кто-то из родственников. Правда, у Витьки Рюмина ни отца, ни матери не было. Они погибли в самом начале войны, в их дом попала бомба, пока Витька был в школе.

У РЕКИ

Тогда, в конце марта 1942 года дед Митяй оставил Витьку у себя, пожалел мальчишку – уж очень жалкий у него был вид. Конечно, лишний рот в доме, но и помощь деду не помешает. Решил Митяй хлопотать для мальца продуктовую карточку иждивенца. Собрался он в сельсовет, взял с собой вяленой и свежей рыбы, да и пошёл к секретарше. Насилу дошёл, но дело-то важное. Он долго переминался с ноги на ногу, комкая в руках шапку, пока секретарша ни прикрикнула: – Ну!

– Послушай, Макаровна, что я скажу. Прибился ко мне, значитца, мальчонка двенадцати годов, сирота беспризорная. Оставил я его у себя, буду ему дедом. – Дед замолчал, переживая заново, эту радость. – Но секретарше эта радость была не понятна.

– Ну, ладно. А чего ты от меня-то хочешь, Митрий?

– Так это… Значитца… Как бы это… Время-то сейчас, сама знаешь… С харчами-то… Карточку бы надо на него.

– Ещё чего, я в тюрьму пока не собираюсь! Кто он тебе, чтобы карточку выдавать? Документы у тебя на него есть? Нет, значит? Так и карточки нет!

Дед, молча, пристально смотрел ей в лицо. Макаровна смутилась, думая про себя:

– А говорят люди-то, мол, колдун этот дед. Наведёт порчу

и майся тогда, никакие врачи не помогут. И сам он людей лечит травками, и помогает, говорят. – Размышляла Макаровна.

– Так что же мне с тобой делать, Митрий? – Сказала она вслух.

– Со мной – ничего. – Осмелел дед, видя её смущение. – Выпиши документ, что я его будто усыновил, значитца, али другой какой, тебе лучше знать. Ты у нас здеся, за всё про всё. А свидетельство его сгорело, мать его туды через коромысло. – Дед мрачно уставился на неё, не отводя глаз. – Макаровна невольно опустила взор, и сказала:

– Ну, ладно, приходи сюда с мальчиком, позовём двух свидетелей, и оформим усыновление.

– Когда же приходить-то?

– Завтра и приходи часов в 10.

Дед, довольный, поковылял домой. По пути зашёл к знакомой бабе, промышлявшей на базаре.

Достав два свёртка с рыбой, он отдал их бабе.

– Вот, на, рыбы-то, сама съешь, али продай, а мне-то, дай хлеба и сахарку. Внук у меня таперича, объявился, кормить его надо лучше, он у меня, значитца, исхудал весь. А, ежели, какая нужда у тебя приключится, присылай свою племянницу-то к нам с внуком. – Дед Митяй с удовольствием произносил эти приятные слова. Однако бабу эти слова ничуть не задели, сердце её очерствело.

Получив желаемое, дед, довольный, пошёл домой. Витька

всё это время спал, набираясь сил.

Проснулся он к вечеру, перехватил, не глядя, то, что дедушка ему на стол поставил, и опять блаженно уснул на сундуке, счастливо улыбаясь. Одет он был в дедовы обноски, пока его одёжка не высохла после стирки, да и её надо было хоть как-то починить, другой-то не было.

Документ на Витьку и карточку они получили, и он стал деду законным внуком. Витька постепенно поправлялся и стал помогать деду, выполняя его поручения. Попутно, Митяй всерьёз обучал его искусству рыбалки, чтобы в любую погоду, и в любое время года с рыбой быть.

В мае лёд сошёл, но вода ещё была ледяная, а солнышко подогревало камни на берегу, и Витька, стоя с удочкой, снимал обувь, чтобы зря её не драть. На днях ему исполнится 13 лет, и он надеялся, что все его беды кончились. Ему очень нравилось жить у деда, о лучшем он и не мечтал. Он иногда вспоминал предвоенную жизнь в Ленинграде – с родителями; потом блокадную осень и зиму, детский дом, своих друзей, но эти воспоминания не тревожили его душу, прошлая жизнь отодвинулась куда-то далеко-далеко, да и о будущем он не думал – жил сегодняшним днём.

К ним с дедушкой на заимку наладилась прибегать девчонка лет 10—11, племянница торговки, у которой дедушка обменивал рыбу на продукты помимо карточек. Она садилась на тёплый камень на берегу, грея босые ноги, и, молча, наблюдала за Витькой. Витька не обращал на неё внима-

ние. Но, вскоре, произошёл случай, который подружил этих, ушибленных бедой, детей.

Утро началось хорошо. Витька с дедушкой поели картошки с вяленой рыбой, попили кипяточку с конфетками. Дедушка сел чинить рыболовную снасть – «морду».

Прибежала из деревни тощая босоногая девчонка – за рыбой. Унюхала картошку в котелке, и стала глотать слюну. Дедушка всё понял, и дал ей картофелину и вяленую рыбёшку.

– Голодная девчонка-то. Видать, тётка не балует её разносолами. – Подумал Митяй. А та не стала обдирать с картошины «мундир», живо запихала её в рот, ободрала рыбку, и побежала с ней на берег. Там она села на валун, дожевала картошку, и стала наблюдать за Витькой, посасывая солёную рыбку, как конфетку.

Витька стоял на валуне с удочкой. Воды в речке сильно прибыло от талого снега. Течение стало бурным, и леску с крючком сильно относило в сторону. Витька повернул голову, собираясь спросить о чём-то дедушку, но его на берегу уже не было. И тут, неожиданно, удочку так дёрнуло, что Витька едва не выронил её. Это была бы катастрофа – леска и крючки товар дорогой. Он схватил удочку двумя руками, перебирая ногами для устойчивости, но оступился и рухнул в стремительный ледяной поток, не выпуская удочку из рук. Витька услышал истошный крик девчонки, и тут же, с головой ушёл под воду. Он оттолкнулся ногами от неровного дна, вынырнув на поверхность, успел глубоко вдохнуть полные

лёгкие воздуха, прежде чем поток снова захлестнул его. Ещё раз, с большим трудом, он хватил глоток воздуха. До войны он жил недалеко от воды и хорошо плавал, но 6 месяцев голодовки и эвакуация подточили его силы.

Сознание ускользало от него, он словно проваливался в глубокую дремоту без сновидений. Его крутило и тащило, а потом вынесло на мелкий перекат, и зацепило за корягу, застрявшую на этом перекате. Это спасло ему жизнь. Дедушка, поспешивший на крик девчонки, сразу всё понял. Он нашёл беспомощного Витьку, который так и не выпустил удочку из рук с хариусом на крючке, вытащил его из холодных объятий воды, перевернул его животом на своё колено, и начал ритмично надавливать на Витькину спину. Вытекла из Витьки вся вода, которую он успел хлебнуть.

– Ещё не пришло твоё время-то отдать концы, парень. Мать её туды, через коромысло! Живи, давай! – Приговаривал дед. – Скажи спасибо девчонке – то, она меня позвала. Спасла она тебя.

Витька с трудом поднялся на дрожащие ноги, пошатываясь, и опираясь на деда, постепенно приходя в себя.

– Пойдём в избушку-то, снимешь мокрое, попьёшь, значитца, кипятку с травкой, да и ладно.

Потом Витька, измождённый, впал в тревожную дремоту, ему казалось, что он снова едет в машине через ледяное озеро, спасаясь от блокадного голода и холода.

Потом, согревшись от травяного настоя и под дедушки-

ным тулупом, уснул и проспал весь день и всю ночь. Утром кровь снова весело бежала по его жилам. Он с удовольствием попил рыбного бульона, в котором плавали кусочки нечищеной картошки и рыбы, пойманной им вчера. И еда эта показалась ему очень вкусной.

– Рыба-то с твоего улова, Витёк. Молодец, что удочку-то не отпустил, внучек. – Они оба были довольны и едой и друг другом. В опорках и обносках, в убогом жилище, при скудном и однообразном питании, они, тем не менее, оба были довольны своей жизнью.

А тут и девчонка прибежала, кое-какие продукты принесла за рыбу.

– Тебя как зовут, девочка? – Улыбаясь, спросил Витька.

– Танькой.

– А меня Витькой. Спасибо тебе, что ты дедушку позвала, а то я бы погиб.

Та только, молча, пожала плечами.

– А я думал, что ты немая – все молчишь и молчишь.

– Не, я не немая, я сирота. Тётка моя говорит, что я дармоедка, никому не нужная, вот я и молчу.

– А родители твои где?

– Да на фронте погибли. – Беспечно сказала она.

– Я тоже сирота. Но мне повезло – дедушка у меня добрый, заботится, и я буду о нём заботиться, когда он совсем стареньким станет. А подружки у тебя есть?

– Не-а. Кто со мной дружить-то станет?

– Я буду с тобой дружить. Ты нам с дедушкой нужна, потому что ты хорошая, правда, дедушка?

– И то – правда. Хорошие-то люди, стало быть, вместе должны держаться.

Осенью дети пошли в школу. Таня в четвёртый класс, а Витя – в шестой.

В 1944 году Витя закончил 7 класс, и дальше учиться не захотел, стал рыбачить с дедушкой. А тот стал часто болеть, на сердце жаловался. Витя привязался к деду всей душой, жалел его, и больше всего боялся остаться одному. А дедушка успокаивал:

– Тебе уж 15 стукнуло, на тот год, гляди, паспорт получишь. Все дороги, значитца, перед тобой открыты будут. А я-то и так довольно пожил. Не два же века мне жить-то. С лёгким сердцем помру. Много мне зла люди-то причинили, а ты, как ясно солнышко, обогрел мою душу, да и я тебе, стало быть, помог на ноги встать в жизни-то. Семью мою злые нелюди-то порушили, а ты, значитца, стал моей семьёй. – Потом засмеялся: – Ни сына, ни дочери-то у меня не было, – сразу внуком обзавёлся, а ты, стало быть, дедом. Чудны промыслы твои, Господи!

– Ну, да! – Заулыбался Витя.

Дед Митяй прожил ещё три года. Перед смертью он показал Вите заначку, где хранил деньги.

– Вот, для тебя, значитца, собирал-то. Хватит тебе на первое-то время. Не оставайся здесь. Тебе уже 18. Как похоро-

нишь меня, забирай Танюшку-то и езжай с ней в город. Там, стало быть, и устроитесь. – Вскоре дед Митяй умер.

Похоронив дедушку, Витя с Таней уехали в Свердловск. Татьяне уже исполнилось 16 лет. Она была невысока, стройна и худощава, как мальчишка. Лишь едва обозначенные округлости бёдер намекали на то, что она девушка. Прямые волосы пострижены до плеч. Они были пепельного цвета и казались седыми, как у старушки. Бесцветные брови и ресницы придавали её лицу какое-то отстранённое, почти пустое выражение. Тонкое бледное лицо. Гладкая кожа, плоская грудь. Казалось, что даже губы не имели цвета. Но ничего этого не замечал Витя. Танюшка была для него самой близкой и желанной. Они устроились на завод, расписались. Своего первенца они назвали Дмитрием. Дали им комнатку в бараке, и стали они жить, как все тогда жили, в тяжёлый 1947 год. Но эти ребята умели довольствоваться малым, были ещё очень молоды, и вся жизнь у них была впереди. Возвращаться в Ленинград Витя не захотел – там его никто не ждал.

НА ГРАНИ

Но вернёмся в Свердловск конца марта 1942 года.

Девятилетний Саша Иванов умирал. Пока ему приходилось преодолевать превратности долгого пути в эвакуацию, организм его боролся и сопротивлялся. Но всему есть предел. Как только он попал к Лидии Максимовне, и она создала ему тепличные условия, состояние его ухудшилось. Ничего ему не помогало, температура не спадала, дыхание было тяжёлым, сердечко едва постукивало, давление было очень низким. Тяжёлая анемия и истощение организма препятствовали его выздоровлению. Ребёнок не засыпал, а проваливался в обморок, просто теряя сознание.

Лидия Максимовна страдала, потому что, как врач, хорошо знала, к чему ведёт такое состояние. Она кинулась в детскую поликлинику, попросила прислать к ней на дом опытного педиатра.

Та осмотрела Сашу и сказала:

– Да, Вы правы, ребёнок очень слабый и случай тяжёлый. Саша сейчас на грани жизни и смерти.

Она сделала всё необходимое, с большим трудом отыскав на руке Саши, кровеносный сосуд для капельницы, и распорядилась: не кутать, обеспечить постоянный приток свежего воздуха, лекарство вводить через капельницу и инъекции – через 4 часа круглые сутки. Когда ребёнок очнётся, давать

ему микстуру. Подушки поднять, ребёнка устроить полусидя. Делать обтирания всего тела спец. раствором, когда температура поднимется выше 38 градусов.

– Я зайду к вам через 2 дня. – Сказала педиатр.

Лидия Максимовна слушала коллегу и сдерживала слёзы, думая:

– Неужели не удастся спасти малыша? Ведь мы с ним обрели друг друга, чтобы жить и быть счастливыми. Едва мальчику станет лучше, отвезу его к сестре в лес, он там быстро поправится.

Ей пришлось идти на работу в эвакогоспиталь, там её ждали. С Сашей осталась соседка Маруся, бывшая операционная сестра, получившая на фронте тяжёлое ранение, и отпущенная доживать.

Выслушав все назначения педиатра, Маруся пообещала звонить Лидии Максимовне каждые 2 часа. Она умела обращаться и с капельницей, и со шприцем.

А Лидия Максимовна снова вернулась в юдоль печали и страданий – эвакогоспиталь, чтобы помогать страждущим – больным и бездомным людям, голодным и измученным, сорванным против их желания с обжитых и милых сердцу мест.

5 часов без передышки она вела приём на автомате, а мысли её были дома, рядом с Сашей. Через 2 часа позвонила Маруся: «Всё по-старому, Саша спит». Потом ещё через два часа: «Заменила раствор в капельнице». Когда закончил-

ся приём, у неё рябило в глазах. Она плохо спала ночью, вскакивая через каждые 4 часа, чтобы сделать укол мальчику, и очень устала. Выйдя из госпиталя, Лидия Максимовна побрела к остановке мимо небольшой церкви. Она никогда не обращала внимания на эту церковь. Молодость её прошла в период, когда религия подвергалась гонению, поэтому она была атеисткой.

Но сегодня ноги сами понесли её через церковный двор. Войдя в церковь, она остановилась. Народа было мало. Лидия Максимовна осмотрелась и увидела в глубине икону Иисуса Христа, а рядом икону Божьей Матери. Она подошла к этим иконам, и, склонив голову, начала, молча, молиться:

– Господи! Матерь Божья! Простите меня за то, что я не умею даже правильно креститься! Я не знаю ни одной молитвы, но я всей душой уповаю на вашу милость и сострадание. На вас моя последняя надежда. Прошу тебя, Отец небесный и тебя, Матерь Божья, спасите и сохраните Сашу, ведь он не успел ещё согрешить в этой жизни. Ему только 9 лет, а он уже столько перенёс. Пусть он поправится. Он ослаб, и лекарства не помогают ему. Как только Саше станет лучше, я приду сюда и окрещу его, и сама приму обряд крещения. Это мой обет.

Она стояла перед иконами, и слёзы текли по её лицу, принося ей облегчение. Потом ей пришла неожиданная мысль: «Я приму всё, что неизбежно, со смирением, прости меня, Господи». Постояв ещё немного, она вышла из церкви.

Придя домой, она постояла под душем, потом они с Марусей пообедали. Лидия Максимовна придвинула кресло к Сашиной кровати, и задремала. Но даже сквозь дрёму, она, как всякая мать, невольно улавливала каждый звук, связанный с Сашей. Она услышала, как Саша сказал:

– Мама!

Лидия Максимовна посмотрела на мальчика. Он, не открывая глаз, снова сказал:

– Мама! У меня ручка болит. – Она поняла, что у него одеревенела рука от капельницы. Она осторожно убрала капельницу, подложила свою тёплую руку ему под локоть, согревая его, и восстанавливая кровообращение. Потом смерила его температуру. 38. Это неплохо. Воздух в комнате свежий, Маруся выполняла все назначения точно.

– Какая же она молодец! – С благодарностью подумала Лидия Максимовна.

Потом она поймала себя на мысли, что за то время, как она принесла домой своего подкидыша, она перестала думать с не проходящей тоской о своём погибшем сыне. Она не забыла о нём, но мысли эти переместились куда-то вглубь её сознания, вызывая чувство смирения перед тем, что невозможно изменить. Мёртвого не вернёшь, а живой – нуждается в её заботах.

– Может, и правда, этот малыш послан мне кем-то свыше. Буду жить для него, если он сирота. А если нет? – Эта мысль больно кольнула её. Но она тут же подумала:

– А если бы я потеряла своего ребёнка, а потом бы нашла? Но об этом лучше пока не думать. – Она наклонилась над ним, и, слегка повернув его, поставила ему очередной укол. Следующий укол через 4 часа. Теперь можно подремать.

Когда Саша снова уснул, Лидия Максимовна перебрала мешочки с травками, присланными сестрой. Нашла траву для возбуждения аппетита и отложила в сторону. Сделав в комнате влажную уборку, она снова опустилась в кресло и задремала – усталость брала своё.

Она проснулась от того, что услышала какой-то булькающий звук, и сразу посмотрела на мальчика. Он спал и смеялся во сне. Она потрогала его – Саша был весь мокрый, пот струился по его телу. Она подумала: «Наверно купается во сне под жарким солнышком». Она обтёрла его, мягким сухим полотенцем, нашёптывая какие-то давно забытые ласковые слова и словечки, сменила бельё, тихо напевая, укрыла, а он даже не проснулся, только глубоко вздохнул, и повернулся на бочок, поджав ноги, и положив руки под щёку, как делают все дети, да и многие взрослые. Через 4 часа она снова поставила ему укол, и приготовила ему питьё, добавив немного мёда. Она знала, что он попросит пить, едва открыв глаза. К утру температура спала. Саша проснулся, и спросил:

– А где мама? Она звала меня с собой, но я не пошёл. Мне хотелось ещё купаться в тёплой воде.

Лидия Максимовна напоила его, ничего не ответив. Тогда он сказал:

– Как же я забыл, ведь мама умерла, когда мы жили в Ленинграде. Значит, я видел маму во сне.

– А хлебушка у Вас нету? – Вдруг прошептал Саша. Лидия Максимовна засуетилась – разогрела бульон, покрошила туда сухариков, присланных Клавдией, и покормила Сашу. Он устало откинулся на подушку и сразу уснул.

Весь апрель проболел Саша. Даже когда у него установилась нормальная температура, он был ещё очень слаб. В солнечные дни мая окно в его комнате было открыто настежь, и Саша, сидя у окна, читал детские книжки, которые достала мама Лида с антресолей, вместе с одеждой её сына. Она сохранила всё это, сама не знала, зачем – вещи были в хорошем состоянии.

В ветвях высокого дерева, которое росло под окном, хлопотливо сновали птички, и Саша с удовольствием наблюдал за ними, греясь на солнышке. Он чувствовал себя и вёл, как престарелый пенсионер. Ему не хотелось ни играть, ни бегать, казалось, что он исчерпал свой жизненный ресурс.

Правда, к нему вернулся аппетит, но появилась другая крайность – он постоянно хотел кушать, не чувствуя сытости. Теперь его приходилось ограничивать, чтобы он не набирал вес слишком быстро.

Саша подружился с соседкой Марусей. Ей было всего 25 лет, она была нашпигована осколками, как колбаса салом (это её шутка). У неё была только одна нога, и она прыгала со своим костылём, как воробей. Это она сама так говорила,

потому, что имела весёлый нрав, несмотря ни на что. Когда мама Лида была на работе, с ним оставалась Маруся. Она хорошо рисовала смешные картинки. Однажды она нарисовала толстого кота, который занял всё кресло, развалившись в нём. Кот выглядел очень смешно, и Саша всегда улыбался, глядя на него. Маруся сказала:

– Если будешь слишком много кушать, превратишься в такого толстого кота. Саша поверил.

Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Он хранил эти весёлые картинки – все до одной, они поднимали его настроение. Маруся никогда не училась рисованию, просто у неё был природный дар, но у неё не было возможности его использовать, разве что, для Саши.

Наступило лето, а с ним и новые заботы. Осенью Саша пойдёт в школу, но надо оформить на него свидетельство о рождении. Лидия Максимовна спросила Сашу:

– Вы с мамой и папой отмечали твой день рождения?

– Да, в тот день началась война, а мне исполнилось 9 лет.

– Так значит, скоро у тебя день рождения, первый юбилей – 10 лет! Запишемся в школу, потом поедешь к тёте Клавдии на всё лето. Она живёт у речки, у неё в хозяйстве много всяких животных, будешь жить, как в зоопарке. А мы с Марусей будем приезжать к тебе на выходной.

Саша не мог понять, рад он такой новости или нет. Он не хотел никаких перемен! Панически боялся оторваться от мамы Лиды и Маруси. С другой стороны, пообщаться

с животными – это такая радость!

– А собачка там есть?

– И собачка, и два маленьких козлёнка, и телёнок. И все ждут тебя, не дождутся. Всё спрашивают тётю Клавдию: «Когда же это Сашка Иванов приедет! Поиграть с ним так хочется! По травке побегать!» – Понимая, что это шутка, Саша весело смеялся.

Но до отъезда надо было выполнить обет, который был дан в церкви. Но как объяснить это Саше? Время тогда было такое, что крестились и крестили тайком от всех. На всякий случай, Лидия Максимовна спросила:

– Саша, а ты когда-нибудь был в церкви?

– Да, был. Только это была не церковь, а собор, такой огромный и красивый, как сказочный дворец. Меня мама с бабушкой там крестили, но велели мне никому об этом не рассказывать, потому, что это тайна. Но тебе – можно. А потом мама с бабушкой умерли, и теперь эту тайну знаю только я да ты. Ты ведь никому не расскажешь?

Снял Саша с души её камень. Лидия Максимовна сходила к священнику, выучила молитву, подготовилась к обряду, и через 10 дней окрестилась. Теперь, она умела – и креститься и молиться, и это не раз помогало ей в жизни.

Со свидетельством о рождении Саши были проблемы, но Лидия Максимовна сумела их решить. Она не стала менять Саше фамилию и отчество, но в графе «Мать», записала себя, – мало ли что?

Сашу приняли снова в третий класс. В ближайший выходной мама Лида отвезла его в лесничество к своей старшей сестре Клавдии. Он прожил там до 20 августа и не хотел возвращаться в город. Там, на парном молоке и сытной пище он избавился, от желания есть без передышки. А купание и подвижные игры на свежем воздухе вернули ему радость жизни. Он загорел, вытянулся, окреп, и теперь не отличался от своих сверстников.

Прошло четыре года. Наступил 1946 год. Саше уже 14 лет. Его приняли в комсомол. Он повзрослел, изменился внешне. Теперь это был темноволосый, чернобровый парень с большими светло-карими глазами и полными губами. Энтузиаст и заводила. Лиду он теперь называет просто мама, без добавления имени, и очень привязан к ней.

Недавно их класс отличился – ребята собрали и сдали на приёмный пункт 100 кг макулатуры – в стране не хватало бумаги. За это их фото поместили в газете «Комсомольская правда» на первой странице, всех вместе и комсорга, т. е. Сашу, отдельно крупным планом. Мама им гордилась.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Институт, в котором Андрей Николаевич Иванов, служил доцентом кафедры экономики, вернулся в Ленинград из Новосибирска только в 1946 году.

Его родной брат, Евгений Николаевич, прошедший всю войну, как военкор, уже целый год жил в Ленинграде, сотрудничая, как журналист-очеркист, с одним из издательств.

Сразу, по возвращении в Ленинград, в июле 1945 года, Евгений начал собирать сведения о судьбе семьи брата Андрея. Он выяснил, что жена Андрея, Гета, умерла от голода во время блокады. Он знал, что Гета, или Генриета, выросшая в тесной коммуналке, наотрез отказалась ехать в Новосибирск вместе с мужем, опасаясь потерять их хорошую квартиру и имущество. Гета была на 10 лет моложе мужа, оптимизм молодости ещё не покинул её, поэтому она не верила, что война продлится долго, и что Ленинграду может что-то угрожать. Соседи, пережившие блокаду, сообщили Евгению, что Сашу после смерти матери забрали в детдом. Он был истощён и измучен, как и все блокадники. В марте 1942 года детей эвакуировали куда-то на Урал. Больше о нём никто ничего не слышал.

Потом Евгений узнал, что детдом из эвакуации ещё не вернулся. Предложив редактору идею написать очерк об эвакуации через Ладожское озеро и о дальнейшей судь-

бе эвакуированных детей-ленинградцев, Евгений вылетел в Свердловск. Он решил начать поиски Саши с вокзала – это был пункт распределения эвакуированных детских домов по городам Свердловской области.

Узнав подробности эвакуации, он, человек, прошедший войну, повидавший детей, потерявших родителей, и, одиноко сидящих у печных труб их разрушенных домов; детей, которые сидели рядом с убитой матерью, ещё раз убедился, что война – эта страшная тотальная беда, – слишком тяжкое бремя для детей любого возраста. Евгений собирался назвать свой очерк «Дети войны», а теперь решил назвать его «Дети беды».

Его племянник Саша оказался одним из этих детей. Евгений понял, что пока не найдёт его – живым или мёртвым, покоя ему не будет. Он слушал рассказ начальника вокзала:

– С 21 января по 20 апреля 1942 года на территорию РСФСР было эвакуировано 550 000 ленинградцев. Через Свердловск, прошёл 901 эшелон, из них 351 – с ленинградцами.

– В день прибытия эшелона с детьми – 22 марта 1942 года, в Свердловске скопилось 10 эшелонов. Наши работники вынесли 114 полутрупов, положили их на снег. Девать их было некуда, даже носилок больше не было. К тому времени было занято 500 коек эвакопункта. 2500 коек в эвакогоспитале. Прибывших размещали в залах вокзала на диванах, на полу, даже на подоконниках и в кабинетах начальника вокзала

и других служб. А мест всё равно не хватало. Согласно записи в журнале, в тот день дети были отправлены в города Первоуральск и Серов. Ищите, желаю успеха.

Евгению повезло – в списках областного эвакопункта он нашёл Сашу, и поехал в Первоуральск. Детский дом с детьми из Ленинграда он нашёл быстро. Его направили к Нине Ивановне. Она сказала, что Саша в Свердловске пропал.

– Тогда такое столпотворение было, все мы были измучены и больны. Я видела Сашу, сидящим на диване, рядом с другими пассажирами, а мы сидели на полу, так как мест не было. Тут ко мне подошёл директор ремесленного училища, и отвлёк меня. Когда он ушёл со старшими детьми, Саши уже не было. Его искала милиция, но не нашла. Нас погрузили в поезд и повезли сюда, но мне пообещали, что Сашу рано или поздно найдут, и отправят к нам. Но он так и не приехал.

У Евгения опустились руки. Он не знал, где теперь искать Сашу. Командировка его закончилась, и он уехал в Ленинград, описав брату в Новосибирск поиски Саши.

В апреле 1946 года приехал в Ленинград и отец Саши. Он сказал брату:

– Я много думал о том, как искать Сашу. Надо начинать поиски в Свердловске. Саше сейчас 14 лет. Если он жив, то учится в школе. У меня две недели отпуска, я поеду туда.

У него почему-то появилась уверенность, что единственный сын его жив, и он обязательно найдёт его.

Приехав в Свердловск, Андрей Николаевич пошёл в ГОРОНО. Представившись, он попросил:

– Я разыскиваю сына, который потерялся в процессе эвакуации в вашем городе. Его имя Саша Иванов, ему сейчас 14 лет, и он учится, примерно, в 6 или 7 классе. Не могли бы Вы поручить кому-нибудь, обзвонить школы, и выяснить, нет ли такого мальчика в одной из школ? – Заведующая поручила это своему секретарю, а потом сказала:

– Я совсем недавно слышала это имя и фамилию. Она задумалась, а потом встала, и, выйдя в приёмную, взяла газету «Комсомольская правда» с портретом Саши:

– Посмотрите, это не Ваш сын? Андрей Николаевич разволновался. У него запотели очки, и пересохло в горле. Он торопливо протёр очки, и, взглянув на портрет, узнал своего сына – он был очень похож на свою мать, Генриету.

– Да, это он. – Стараясь взять себя в руки, глухо сказал Андрей Николаевич.

В это время позвонила секретарь, и назвала номер и адрес школы, где учился Саша, а, также, адрес его проживания. Ему объяснили, как доехать по адресу.

Остановившись перед домом, где жил теперь его Саша, Андрей Николаевич размышлял:

– Кто-то спас моего мальчика, и четыре года растил его. А теперь явлюсь я, и разрушу чью-нибудь судьбу. Как же поступить? – Потом принял решение: – Надо идти туда и всё узнать.

Поднявшись по лестнице, он позвонил в дверь, и услышал женский голос:

– Саша, открой. – Дверь открылась. На пороге стоял высокий подросток, такой дорогой и любимый, его единственный сын, о встрече с которым, отец мечтал всю войну. Они стояли, молча, и смотрели друг на друга, не веря своим глазам. Потом Саша неуверенно спросил:

– Папа? – Андрей Николаевич шагнул в квартиру, забыв закрыть дверь, и они с сыном обнялись.

Они стояли, обнявшись, не сдерживая слёз, и шепча друг другу:

– Папа, я искал тебя и чуть не погиб. Но так и не нашёл…

– Мальчик мой, родной, как я люблю тебя. Я счастлив, что нашёл тебя.

В это время в прихожую приковыляла Маруся, опираясь на палку. Она привыкала к новой ноге-протезу. Увидев эту встречу, она всё поняла, и сказала:

– Саша, приглашай папу в дом. Здравствуйте! Я соседка, но скоро придёт и хозяйка. Располагайтесь, пожалуйста. – И она, придя к себе, сразу позвонила Лидии Максимовне.

Это был удар. Рушилось всё, что больше всего радовало её в этой жизни.

Она положила трубку, и застыла, обессиленная. Прошло 4 года, как она нашла чуть живого Сашу. Она внутренне была готова, что Сашу рано или поздно найдёт отец. А когда это случилось, она не могла себе представить, как переживёт

расставание с ним.

Время шло, а она всё сидела, не в силах пойти домой, и услышать приговор, который изменит всю её судьбу. Зазвонил телефон, она сняла трубку, и услышала Сашин голос:

– Мама, ты скоро придёшь? Мой папа приехал, мы ждём тебя. Он с дороги, я хотел покормить его, но он без тебя кушать не садится.

– Хорошо, сынок, я скоро буду.

Она вошла в квартиру, он поднялся ей навстречу, Саша помог маме раздеться. Андрей Николаевич увидел женщину приятной наружности, примерно свою ровесницу. Она поздоровалась, и сказала:

– Ну, что ж, давайте мыть руки и ужинать. У нас всех сегодня нелёгкий день.

Андрей Николаевич никогда не встречал женщины с такой силой духа.

Он понимал, какие чувства Лидия Максимовна может сейчас испытывать, но она нашла в себе силы этого не показывать. А, Лидия Максимовна, чувствовала себя приговорённой к смерти, которой дали отсрочку, предложив последний ужин. Кусок не лез им всем в горло, но они, старательно и молча, опустошали свои тарелки. И, каждый из них, не решался первым начать тяжёлый разговор.

Когда Лидия Максимовна ушла мыть посуду, Саша, подойдя к ней, тихо прошептал:

– Мама, я не покину тебя, но мне надо пообщаться с па-

пой, рассказать ему обо всём, чтобы он понял и меня, и тебя.

– Хорошо, сынок. Я переночую у Маруси, а вы с папой побудьте вдвоём. Ты будешь спать на моей кровати, а папа на диване. Бельё в шкафу. Завтра выходной, так что выспитесь, а мне завтра снова на работу, надо привести в порядок документацию.

Отец с сыном проговорили не один час. Саша рассказал, как они жили без отца в блокаду, как умерла мама, как он оказался в детдоме.

– В детдоме у меня появились старшие друзья – Элик, Борька, Витька. Они мне помогли освоиться в детдоме. Где они теперь – не знаю, но очень хотел бы узнать. Я думаю, что мне повезло больше всех. Ещё в Свердловске мы потеряли друг друга – Витька побежал в туалет и не вернулся. Элика с Борей увёл какой-то дядя. А я пошёл искать институт, с которым ты уехал из Ленинграда.

Отец, молча, слушал рассказ Саши, и понял, что тот подходит к самому главному для них обоих:

– Я приехал с вокзала в город на трамвае, искать твой институт, но у меня не хватило сил. Я подошёл к большому дому с высоким крыльцом, думал, это институт, а это оказался Дом связи. Я очень устал и замёрз, целый день ничего не ел. Я присел у крыльца, и больше ничего не помню.

– Там меня и нашла мама Лида. Она принесла меня домой, сняла с меня грязные лохмотья – ведь мы долго ехали в вагоне для перевозки скота, лёжа на грязном полу, –

несколько дней, не раздеваясь. Отмыла меня в тёплой воде. Я проболел больше месяца. Никто не верил, что я выживу. Мама ставила мне уколы через каждые 4 часа, и ночью тоже, а ведь она ещё работала в эвакогоспитале. Когда мама была на работе, за мной ухаживала Маруся. Она медсестра.

Лидия Максимовна спасла меня, вернула мне жизнь – я, как будто, родился заново, и она стала для меня настоящей мамой. Я не смогу её оставить, папа. Но и с тобой расставаться не хочу. Что же нам делать?

Отец молчал. Он был ошеломлён рассказом Саши, и не мог пока разобраться в своих чувствах. У него пока не было ответа на вопрос сына:

– Я пока не знаю, что нам делать. Когда я ехал сюда, у меня не было никаких сомнений, что как только я найду тебя, я не оставлю тебя здесь ни на один день. Но ты своим рассказом поколебал мою уверенность. Я думаю, мне надо поговорить с Лидией Максимовной. Надеюсь, что мы найдём мудрое решение этой непростой проблемы. Давай спать, сынок. Я поживу с тобой ещё дней 10, только перейду в гостиницу, чтобы не стеснять твою маму.

Уснуть им обоим долго не удавалось. Они оба без конца прокручивали весь разговор, и ломали голову, как выйти из этой ситуации. Уснули только под утро – усталость взяла своё.

Перед уходом на работу, она приготовила им всё, что нужно для завтрака.

Лидия Максимовна тоже почти не спала всю ночь. Она стояла у окна кухни в Марусиной квартире. Было новолуние и звёзды, мерцая в тёмном небе, точно перемигивались, сообщая друг другу что-то таинственное и важное, недоступное пониманию человека.

Ей вспомнилось, как она нашла своего подкидыша, как боялась, что он не выживет, как провожала его в школу 1 сентября. А летом скучала безбожно, когда отвозила Сашу в лесничество. С нетерпением ждала выходного дня, чтобы увидеть его, радоваться его выздоровлению. Наконец, небо на востоке побледнело, и на землю спустились обманчивые предрассветные сумерки. Лидия Максимовна легла в постель. Она мысленно обратилась к погибшему сыну:

– Прости меня, сынок за эту радость и любовь к чужому ребёнку. Я не забыла тебя и никогда не забуду. Но от тебя не осталось мне даже могилки. Я могу только ходить в церковь и поминать тебя, ставить свечу за упокой твоей души, сынок, и это снимает камень и с моей души. Это мальчик Саша спас меня от безысходной тоски по тебе, сынок. Он вернул меня к жизни. И теперь я снова могу потерять сына, и ту радость, что он мне дарил. – Слёзы наполнили её глаза, и потекли ручейками, смачивая подушку. Так и уснула она, ничего не придумав.

Папа с сыном проснулись, когда уже впору было обедать. Они поели, Саша, быстро всё прибрав, предложил отцу прогуляться по Свердловску. Они больше не говорили о своей

проблеме, просто наслаждались общением. А мозг каждого из них продолжал искать выход из тупика.

Мест в гостинице, не нашлось, придётся на время стеснить Лидию Максимовну.

Когда они нагулялись, Саша предложил зайти за мамой в госпиталь и всем вместе поехать домой. Они так и сделали.

После ужина все сели за круглый стол, и быстро, без жарких споров и обид, пришли к общему мнению: оставляем пока вопрос открытым.

А, пока, Саша окончит седьмой класс. Мама Лида возьмёт отпуск, и на летние каникулы приедет с Сашей в Ленинград. Зимние каникулы в восьмом классе он тоже проведёт у отца. А летом 1947 года папа приедет в Свердловск, и они отдохнут все вместе в лесничестве. Как дальше будут развиваться события – подскажет сама жизнь. Но после окончания 10 класса ВУЗ Саша будет оканчивать в Ленинграде. Через несколько дней Андрей Николаевич уехал домой.

Устроилась и судьба Маруси. Осенью 1946 года, в Свердловск, приехал дядя Саши, Евгений Николаевич, в творческую командировку. И Саша, и его мама, после летних каникул были с ним уже хорошо знакомы. Он пришёл к ним вечером, когда на улице шёл проливной дождь. По его кожаному пальто сбегали тонкие струйки дождя, собираясь на полу в тёмные лужицы. Евгений снял своё отяжелевшее пальто, и с него продолжала капать вода.

– Ну, и погодка! Я промок до костей, замёрз, как собака

без будки, и зверски проголодался! Саша, вон в том большом портфеле подарки вам с мамой от меня и от твоего отца.

– Вот хорошо-то, Женя! Ты как раз вовремя! А мы только собрались ужинать. – Улыбнулась Лида.

– А где вы прячете талантливую художницу Марию? Зовите её сюда, у меня для неё хорошие новости. Саша обрадовался и пошёл за соседкой.

Вскоре пришла Маруся. Она уже привыкла к своему протезу, и хромота её была еле заметной.

– Кто тут обо мне шибко соскучился? Вот она я! Вся из себя!

Ей навстречу встал Евгений. Она, улыбаясь, шутливо подала ему руку лодочкой.

– Вот Вы какая! Совсем молодая, весёлая, красивая и талантливая! Рад с Вами познакомиться. Давайте дружить. – Они вместе сели к столу.

– Ваши рисунки, которые летом передал мне Саша, специалисты признали интересными, и Вам предлагают сотрудничество в издательстве «Детская литература». Когда Вас узнают лучше, я уверен, к Вам будет стоять очередь из детских писателей. Завтра мы с Вами съездим на киностудию. Там требуется художник-мультипликатор. И в журнале «Весёлые картинки» Вас тоже с руками оторвут.

– Ну, надо же! Пришёл, увидел, убедил! – Улыбалась Маруся. Они все вместе поужинали, и Евгений попросил:

– Покажите мне все рисунки, какие у Вас есть. Потом нам

с Вами надо оформить бумаги, если Вы принимаете предложение издательства и обговорить условия. – Так началась их дружба, а потом и любовь. Они оба были фронтовиками, много пережившими и повидавшими.

Маруся и Женя поженились и стали жить в Ленинграде.

На новогодние каникулы начала 1947 года Саша приехал к отцу. Ему очень хотелось найти своих друзей по детдому. Он узнал адрес Элика и приехал к нему домой. Элик в это время учился в 10 классе вечерней школы. Друзья не могли наговориться. Вспомнили Бориса, съездили на кладбище, поклониться могиле друга, разделившим с ними, тяготы блокады и эвакуации. Но не Элик, ни Саша не знали о судьбе Вити Рюмина. Элик посоветовал:

– А ты, Сашок, поищи его через паспортный стол, наверняка он или в Свердловске или в области. Ему уже 18 лет должно быть. Если он живой, ты его найдёшь, и сразу напиши мне. Может, ему потребуется наша помощь. Он блокадник, да ещё сирота, ему положена прописка и жильё в Ленинграде. А потом, отец Бориса инвалид, живёт в квартире один. Я думаю, он будет рад приютить на первое время друга его сына.

Когда Саша вернулся в Свердловск, он нашёл Витю с Таней в шести метровой комнате барака. Они оба работали на заводе и ждали своего первенца. Встреча была радостной, но ехать в Ленинград Витя не захотел.

– Там для меня слишком много тяжёлых воспоминаний.

А нам с Танюшкой и здесь хорошо. От завода нам обещают квартиру, когда родится наш малыш. Что ещё надо? Мы довольны тем, что имеем. А ещё здесь недалеко могила человека, который дважды спас мне жизнь, и помог мне встать на ноги. Мы с Танюшкой не хотим уезжать от этой могилы. – Его жена согласно кивала головой.

– Так что передавай привет Элику, и сам заезжай к нам в гости.

Они расстались друзьями, но больше так и не встретились. Время их детской дружбы ушло. Они стали другими, и с этим ничего не поделаешь.

Летом 1947 года Андрей Николаевич приехал в Свердловск, чтобы провести здесь отпуск вместе с сыном. Он сделал предложение Лидии Максимовне, и она согласилась стать его женой. Между ними не было страстной любви, их накрепко связала любовь к сыну. Симпатия, расположение друг к другу и благодарность – возникли ещё при первой встрече. Теперь же к этим чувствам добавились взаимное доверие и уважение. Они расписались в ЗАГСе Свердловска, а отметить это событие уехали в лесничество к старшей сестре Клавдии.

С войны вернулся только один её сын, Валерий; второй – погиб в последние дни, когда уже была близка победа. Когда Лида уедет в Ленинград, племянник Валерий останется жить в её квартире, у него уже есть и невеста на примете.

Так закончилась история четырёх друзей, переживших

страшное время военной беды.

НЮРКА – НЮРОЧКА

НЮРКИНА ЛЮБОВЬ

Китайский мудрец Конфуций на вопрос своих учеников – что такое смерть, ответил: «Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем ещё, что такое жизнь?». С тех пор прошло двадцать веков, а вопрос этот так и остаётся открытым. Все мы просто живём, не отдавая себе в этом отчёта, не задумываясь о смысле жизни.

Однако каждая жизнь похожа и не похожа на другие. Но объединяют всех живых обязательные условия жизни: преодоление – себя и разных обстоятельств, из которых и состоит наша жизнь, и любовь во всех её проявлениях. Это моё субъективное мнение, у Вас, дорогой читатель, может быть другое.

В тёплый июньский день 1945 года Нюрка Буркова, в стареньком ситцевом платьице и стоптанных сандалиях, неслась по улице, не чуя под собой ног, в сторону госпиталя, который был расположен в трёхэтажном здании её бывшей школы. Их небольшой город в Новгородской области не был разрушен бомбёжкой, не был оккупирован немцами, как Новгород и прилежащие деревни. Он оказался в стороне от стратегических военных направлений. Но и его задела

своим чёрным крылом страшная война.

За последние два месяца произошло столько разных замечательных событий, и жизнь казалась Нюрке такой прекрасной, что лучше не придумаешь. Наконец-то закончилась война. Она никогда не забудет этот день. Когда знаменитый диктор Левитан объявил по радио о капитуляции Германии и поздравил всех с Победой, люди вышли на улицу, знакомые и не знакомые, обнимались и плакали, и слёзы радости смешивались с горькими слезами из-за гибели родных или близких, и горьких слёз было во много раз больше.

Её отец тоже погиб на фронте в самом начале войны, и её мама, Надежда, став вдовой с двумя детьми на руках, чуть не умерла от горя.

Нюрка – старшая, в мае ей исполнилось 16 лет, и сегодня она получила паспорт. Ей не терпелось поделиться этой радостью с мамой, которая с первых месяцев войны работает санитаркой в госпитале.

Вместе с войной ушли из города и холодная зима, и долгая неустойчивая весна, и всё плохое, что пришлось пережить в голодное и тревожное военное время. Наступило долгожданное лето и конец учебного года в педучилище, где Нюрка готовилась стать учителем начальных классов и теперь перешла на третий курс. А это значит, что она сможет помогать маме – всё лето работать помощницей вожатой в пионерлагере, взяв с собою десятилетнего братишку Кольку.

Она не обижалась, что все называют её Нюркой, тогда всех

так называли – и молодых и пожилых – Нинка, Верка, Надька и т. д. Время что ли такое было?

Но самое главное событие, как считала сама Нюрка, – любовь, которая накрыла её с головой. Она никому не рассказывала об этом, но в душе её словно появилась натянутая струна, которая отзываясь на её настроение, то радостно звенела, то плакала, словно живая. Предметом её душевной привязанности был раненый солдат – Кирилл Толмачёв, красивый брюнет, двадцати шести лет от роду. Был ли на самом деле так красив Кирилл, или любящие глаза Нюрки видели то, что не замечали другие? – Это не важно.

Его доставили в госпиталь с сильной контузией и осколками в спине 10 месяцев назад. Осколки удалили, раны залечили, но с контузией было всё не так просто. Кирилл ослеп. Его большие карие глаза были широко открыты, поэтому с трудом верилось, что он ничего не видит, хотя, если приглядеться – взгляд этот был бездумный и ничего не выражающий. Речь его восстанавливалась с большим трудом – он говорил, растягивая слова и заикаясь. Но спустя 8 месяцев Кирилл стал говорить намного лучше. В то время он очень надеялся, что и зрение у него восстановится. А тут и война закончилась, и он радовался вместе со всеми:

– Как только вылечусь, поеду в Ленинград, и начну разыскивать маму. – Думал Кирилл.

Его перевели в общую палату для выздоравливающих пациентов. Здесь его и увидела Нюрка. Но надежды Кирилла

не оправдались – зрение к нему так и не вернулось. Он тяжело переживал своё увечье – целыми днями лежал, отвернувшись к стене, не желая ни с кем общаться, отказывался от еды, считая, что жизнь его всё равно кончена. Кому он нужен – слепой инвалид?

Были в госпитале ребята и в гораздо худшем положении, но у многих из них хватало оптимизма и здравого смысла принять жизнь такой, какая им выпала, особенно, если у них были родственники, которые ждали их домой. Кирилл же, потеряв связь с матерью – единственным родным человеком, лишился точки опоры, а точка опоры для человека – как корни для растения. Мама всегда решала все его проблемы. Он был уверен – решила бы и эту, но жива ли она и где находится, он не знал, и теперь вряд ли узнает. Слепой, пребывающий в постоянной темноте, и один на белом свете – это добивало его, и некому было его утешить, поддержать. Он совсем пал духом, и в душе его было так же темно, как и вокруг него.

К Кириллу у Нюрки было особое отношение – она влюбилась в него с первого взгляда со всем пылом безоглядной первой любви. Она знала только его имя и фамилию. Больше Нюрка ничего не знала о нём – кто он, откуда родом, кем работал, сколько ему лет и т. д. Просто, он был не такой, как все. Что-то особенное было во всём его облике – посадка головы, осанка, голос, непривычно вежливое обращение. Она обратила внимание и на его красивые руки с длинными

пальцами. Внешний вид избранника, в 16 лет, имеет решающее значение. А Кирилла даже серая больничная пижама совсем не портила.

Она переживала, что он потерял веру в себя, но не знала, как ему помочь.

Нюрка приходила в госпиталь в выходные дни. Она была там своим человеком, знала по имени многих раненых. Помогая маме, которая к концу смены совсем выбивалась из сил, Нюрка мыла шваброй обширные коридоры своей бывшей школы. Или под диктовку писала письма родным от раненых, лишённых такой возможности. Иногда она пела для лежачих больных популярные песни того времени – «Синенький скромный платочек», «Тёмная ночь», «Наш уголок нам никогда не тесен» и другие. Она знала много песен. У Нюрки был очень приятный голос, хороший слух и задушевная манера исполнения, да и пела она преимущественно для своего избранника, хотя он, как будто, не проявлял к этому никакого интереса. Однажды, это было после Дня победы, числа 20 мая 1945 года, Нюрка решилась, подошла к его кровати и тихо спросила:

– А Вы не хотите написать письмо родным? Я Вам помогу. Меня зовут Нюра Буркова.

Её приятный негромкий голос тронул Кирилла. Он помолчал, а потом так же тихо ответил:

– Я не знаю, где сейчас живёт моя мама, да и жива ли она ещё. До войны мы с ней жили в Ленинграде. Во время блока-

ды связь наша прервалась. Потом я случайно узнал, что всех выживших блокадников перевезли куда-то на Урал. Она, если и выжила, наверняка была в тяжёлом состоянии, как и все, кто там был. Потом я попал в боевую мясорубку, и там было не до писем. А теперь тем более – мне некуда писать. Я знаю точно, если бы мама была жива, она обязательно уже разыскала бы меня. – Он помолчал, пытаясь сдержать слёзы, потом попросил:

– Спойте мне что-нибудь.

Так завязалась их дружба. Раненые негромко говорили между собой:

– Ты гляди, девчонка-то, разговорила Кирюху. Ни с кем разговаривать не хотел, а с ней – гляди… Видно, душа у неё особая, чуткая и добрая, что он доверился ей.

Когда Нюрка в следующее воскресенье пришла в госпиталь, Кирилл сказал:

– Дайте мне Вашу руку. Сколько Вам лет?

– 25 мая мне исполнилось 16.

– Можно я «посмотрю» на Вас?

Нюрка кивнула головой, забыв, что он не может этого видеть. Он осторожно обследовал её лицо и косички с бантиками кончиками пальцев. У неё мороз побежал по коже, и, смущённая, Нюрка не знала, что и сказать. Он тоже молчал. Потом тихо сказал:

– Пожалела бедного дяденьку, девочка? Добрая ты, душевная. На, таких, как ты, все и выезжают. Но тут уж ничего

не изменишь. Хорошо с тобой, приходи почаще. Расскажи мне о себе, а потом, может, и я тебе что-нибудь расскажу. Ты в школе учишься?

– Нет, в педучилище, через год я стану учительницей начальных классов. А потом, может быть, поступлю в институт, если ума хватит.

– На это много ума не надо, просто позанимайся на совесть и сдай вступительные экзамены, а дальше пойдёт как по маслу, так что дерзай, а я буду за тебя болеть. – Вроде ничего особенного он не сказал, но она летела домой, перебирая в памяти каждое слово, сказанное им, как бесценное. Она гордилась тем, что взрослый парень, побывавший на фронте, такой необычный, разговаривает с ней на равных. А ещё, это был парень, при одном взгляде на которого, у неё замирало сердце.

Чаще приходить она не могла, хотя готова была и вовсе не уходить из госпиталя, чтобы быть с ним всегда рядом. Он рассказал, что до войны был музыкантом, окончил консерваторию. Играл в оркестре на скрипке, но потом с горечью добавил:

– Да что об этом говорить, всё это теперь в прошлом. Вся моя жизнь осталась в прошлом. А в настоящем – одна ты у меня, добрая девочка. Нюрочка, раз мы с тобой друзья, называй меня тоже на «ты». Так будет теплее, да и я ещё не пожилой, мне в апреле исполнилось 26 лет.

Кирилл рассказывал Нюрке о великих композиторах,

о скрипичных мастерах Амати и Гварнери. Это было открытием для неё. Она и сама много читала, но, в основном, романы о приключениях и красивой любви. Никогда раньше не интересовалась она классической музыкой, она о ней просто никогда и не слышала, а если слышала, то пропускала мимо ушей. Не доросла она ещё до таких высоких сфер. Все окружающие её люди пели народные песни, частушки или песни из кинофильмов. Единственными источниками информации для Нюрки были: чёрная тарелка радио на стене, которая хрипло вещала непонятно что, и газета на политинформации в комсомольской ячейке.

Но однажды ей пришлось испытать настоящее потрясение.

В их город приехал на гастроли камерный оркестр из Москвы. Музыканты согласились выступить с небольшой программой в госпитале – для выздоравливающих пациентов. Это был выходной день, поэтому Нюрка сама привела Кирилла в коридор, где были расставлены стулья, и посадила рядом с собой, держа его за руку. Кирилл очень волновался и с нетерпением ждал начала концерта. Он хмурил свои красивые брови, и прислушивался к знакомым звукам, предшествующим началу концерта.

Когда оркестр заиграл, у Кирилла выступили слёзы, и он сильно сжал Нюркину руку. В конце программы он прошептал ей:

– Нюрочка, скажи им, что я музыкант, пусть они дадут

мне подержать скрипку.

Она тут же подошла к дирижёру и передала ему просьбу слепого друга.

Когда Нюрка подвела к дирижёру Кирилла, у того от волнения дрожали руки. Они коротко переговорили, и дирижёр вложил в руки Кирилла скрипку и смычок, попросив зрителей не расходиться.

И тут произошло чудо. Скрипка в руках Кирилла словно ожила. Она плакала и смеялась. Он играл с таким упоением, что зрители замерли в восхищении. Когда скрипка умолкла, наступила тишина, а потом все дружно захлопали, особенно сами музыканты. А дирижёр сказал Кириллу:

– У Вас большое будущее и зрение здесь ни при чём. Желаю Вам творческих успехов.

Нюрка была потрясена. Она впервые в жизни услышала настоящую музыку, да ещё «вживую». Дома не было ни патефона, ни радиоприёмника, а о телевизоре в народе тогда и не слышали. А то, как играл Кирилл, она не могла даже представить. Что-то в душе её плакало и смеялось вместе с его скрипкой. Ещё в школе она прочитала рассказ Короленко «Слепой музыкант», и плакала над ним. Но это в книжке, а не в жизни. А теперь и у неё есть настоящий слепой музыкант, и она готова была посвятить ему всю свою жизнь.

С этого дня и Кирилл ожил. Он начал есть, лечиться, и согласился выходить на прогулку. Они с Нюркой подолгу сидели на скамейке, молча наслаждаясь, солнышком и запахом

молодой листвы, слушали деловитый щебет воробьёв и синичек. Теперь Нюрка не радовалась поездке в пионерский лагерь на всё лето. Она разрывалась между любовью к Кирюше и дочерним долгом помогать матери.

Нюрка помогала матери как могла. Когда началась война, ей сравнялось 12 лет, а Колька пошёл в первый класс. 7 лет ему исполнилось только в декабре, но в 1 классе был недобор, и Кольку приняли. Только потом Надежда поняла, что зря поторопилась, и отдала Кольку в школу так рано. Утром её дети вместе шли в школу, на большой перемене они съедали то, что Нюра приносила из дома, запивая жидким чаем из буфета. Чаще всего это были драники из не чищеной картошки, пожаренные на рыбьем жире. Картошку приходилось экономить, до нового урожая было ещё далеко. Колька часто болел, и к концу учебного года Надежду вызвали в школу, и предложили оставить его на второй год в 1 классе, надеясь, что он окрепнет за лето, и будет справляться со школьной программой. Надежда согласилась.

Они жили в частном доме, но дом без хозяина – сирота. Не сладко им жилось, что и говорить, но было много людей в их городе, которым жилось намного хуже.

Окончив 7 классов, Нюрка поступила в педучилище. Надо было быстрее получить профессию, чтобы помогать маме. Выбор был невелик – ФЗУ, строительный техникум или педучилище.

Она взяла на себя часть забот о братишке – присматрива-

ла за ним, помогала делать уроки, отводила его в школу, кормила его, когда мамы не было дома. Когда та уходила на работу в ночную смену, Нюрка с Колькой оставались дома одни.

О своей первой любви матери рассказывают в последнюю очередь, но Надежда и сама не слепая. Да и медсёстры всё замечали и держали её в курсе. Надежда и посоветовала дочери:

– Надо написать соседям Кирилла, может они знают, где живёт сейчас его мать?

Так они с Кирюшей и сделали. И через пару недель получили ответ – дом, где они жили, к счастью, не разбомбили, но квартира стоит пустая – всё, что могло гореть, сожгли в буржуйке в блокадную зиму. А мать Кирилла живёт в Свердловске и является депутатом горсовета. Она тоже разыскивает сына и прислала соседям, на всякий случай, свой адрес. Эта новость окрылила Кирилла. Нюрка под его диктовку написала письмо матери, Аделаиде Петровне Толмачёвой. А потом сказала Кирюше:

– Завтра я уезжаю на работу в пионерлагерь на всё лето. Не знаю, как ты будешь здесь без меня, кто будет водить тебя на прогулку, да и я, буду скучать по тебе. – В её голосе послышались слёзы. Кирилл хорошо понимал, что творится в душе у девочки – 26 лет не 16. Он, взяв Нюрку за руку, посадил её рядом, погладил по голове:

– Не расстраивайся, Нюрочка, всё будет хорошо. Ты такая

добрая, я тоже к тебе привязался, и буду скучать. Я тебе так благодарен за то, что ты для меня сделала, ты вернула мне надежду и желание жить. А, гулять я буду с соседями по палате. После того концерта все стали проявлять ко мне внимание и заботу. А я буду ждать твоего возвращения, – и он поцеловал её руку. Нюрка сдержала слёзы, палата – бывший класс, так что, они были не одни, попрощалась и вышла, глотая слёзы. Нюрка была переполнена нежностью к Кириллу, будь её воля, она никогда не рассталась бы с ним, и водила бы его за руку всю свою жизнь, ухаживая за ним, как за ребёнком.

На другой день Нюрка с братом уехала в пионерский лагерь на работу. Душа её разрывалась от тоски и горя. Она, наконец, осознала, что помогая Кириллу отыскать мать, она своими руками может лишить себя, своего любимого.

Нюрка не была красавицей. Внешность её ещё не совсем сформировалась. Рослая белобрысая девчонка с тонкими косичками, завязанными колечками за ушами. Курносая, круглолицая, с серыми глазами под светлыми бровями. Улыбка, правда, у неё была добрая и зубки ровные и белые. Косметикой в то время девочки её возраста не пользовались совсем, да и косметики – то тогда не было никакой, кроме помады, чёрного карандаша для бровей и пудры грубого помола в картонной коробочке. Нюрка размышляла:

– Аделаида Петровна! Ну и имечко! Да ещё депутат горсовета. Кирюша-то слепой и не видит, что я такая несклад-

ная и некрасивая, а мать у него зрячая, вряд ли я ей понравлюсь. Не пара я ему. Увезёт она от меня моего любимого Кирюшеньку, и не увижу я его больше никогда.

И она, безутешная, заливалась слезами, не видя выхода из этого тупика.

Вожатая Ася, двадцатипятилетняя студентка пединститута, видя её состояние, разговорила Нюрку, и та всё ей рассказала.

– Ну, и чего же ты, так убиваешься, глупенькая. Ты же не видела его мать, может всё будет хорошо. И потом, ты же не знаешь, любит ли тебя Кирилл! Он же тебе не говорил об этом? Скорее всего, он относится к тебе не как к невесте, а как к молоденькой девчушке – тебе только 16, а ему 26. Тебе надо ещё учиться, а ему лечиться. А, может, у него есть жена или невеста, кто знает?

– Про невесту не знаю, а жены точно нет – Кирюша говорил только о матери.

– Успокойся, Нюра. Вот будет пересменка, и съездишь на денёк в город на продуктовой машине, повидаешься с Кириллом.

Этот разговор немного успокоил Нюрку, и она стала ждать окончания первой смены, чтобы во время перерыва между сменами съездить домой, повидать маму и Кирилла. Наконец, это время пришло. Нюрка приехала в город.

Мама, увидев её, тревожно спросила:

– Что с тобой, доченька, случилось чего? Ты такая взбу-

дораженная! А я-то тебя и не ждала.

– Да нет, мама, всё в порядке – Колька здоров, хлеб ест за двоих, подрос, загорел – и она посмотрела на мать, а та разглядела в глазах дочери не высказанный вопрос, и сказала:

– С твоим подопечным всё нормально. Приезжала его мать, фифа в шляпке. Вела себя, как прокурор на суде. Хотела забрать Кирюшу, да врач отсоветовал. Сказал, что курс лечения не окончен, и везти больного сейчас нельзя, может случиться осложнение. Обещал, что сообщит ей, когда можно будет Кирюшу забрать. А мать его на всех смотрела свысока, не приведи, Господь, такую свекровку – живьём съест, если вообще до ЗАГСа допустит. Она для своего чада «прынцессу» найдёт. Так что, доченька, «не с нашим свиным рылом, да в калашный ряд». Руби дерево по плечу, а то надорвёшься. Тебе ли горевать! Когда у тебя вся жизнь впереди!

Нюрка ничего не ответила, но с облегчением вздохнула – Кирюша ещё здесь, и уедет не скоро, хоть и поняла, что её опасения относительно его матери – были не напрасны. Наскоро перекусив, она помчалась в госпиталь. Тихо подойдя к кровати, она стояла, и, молча смотрела на Кирилла:

– Какой же он красивый! Мне всё в нём нравится, как же я буду жить без него! – Нюрка не замечала, что он худой, наголо стриженный, в застиранной, и слишком широкой для него, пижаме. Правда, есть люди, на которых и телогрейка смотрится, как смокинг. Кирилл почувствовал присутствие

Нюрки по её взволнованному дыханию:

– Нюрочка, это ты? Приехала, наконец. Ну, рассказывай, как тебе понравилась твоя работа. Меня вспомнила хоть разок? Наверно, и думать забыла, про своего инвалида?

Нюра стояла, молча, боясь расплакаться на глазах у всех. Она с трудом справилась с волнением и тихо спросила:

– К тебе приезжала мать?

– Да, представляешь! Примчалась, как только получила твоё письмо. Какая же ты умница! И ты знаешь, что сказала мне мама? Она проконсультировалась у глазных врачей в Свердловске, и они в один голос заявили, что, возможно, из-за контузии образовалась опухоль, которая давит на зрительный центр мозга. Если эту опухоль убрать, я снова буду зрячим. Это только предположение, соломинка, за которую я пытаюсь держаться, но я не хочу думать ни о чём другом. Такие операции делают пока далеко не везде. Возможно, нам придётся вернуться в Ленинград, там у нас есть квартира, хоть и пустая, а у мамы много знакомых, которые нам помогут. Но, пока я окончательно не поправлюсь, операцию делать нельзя. Так, что я тебе ещё надоем, пока не уеду. – Весело заключил он.

Побыв ещё немного около Кирилла, Нюрка побежала на оптовый склад, там загружали продукты для второй смены лагеря. С этой машиной она и вернулась в пионерлагерь. Колька уже стоял у ворот – ждал её и гостинца от матери. Получив малюсенький кулёчек с конфетками-красными, слов-

но атласными, подушечками, он спросил:

– А когда мамка приедет?

– В первое же воскресенье, когда приедут родители. – А про себя подумала:

– Какой же он всё-таки ещё ребёнок. По мамке скучает, чуть не плачет, а ему ведь уже 10 лет.

Нюрка обняла братишку, чмокнула его в макушку и легонько подтолкнула его к вожатой. Вожатая Ася уже поджидала Нюрку. Им надо было подготовить помещение для второй смены ребятишек их отряда.

Пионерский лагерь того времени сильно отличался от тех, что появились, лет 15 спустя. Дети жили в бараках, спали на деревянных раскладушках, обтянутых парусиной, которая быстро теряла свою упругость и провисала чуть не до пола. Подушек хватало не всем, а матрасы, набитые клочковатой ватой, пропахли детской мочой. Старые застиранные простынки и серые байковые одеяльца дополняли картину. Но, набегавшись за день, и наевшись хлеба, которого дома не все дети той поры ели досыта, пионеры падали на свои раскладушки, принимая самые немыслимые позы, устраиваясь поудобнее, и засыпали крепким сном.

Ася с Нюрой перемыли полы, застелили раскладушки, заделали марлей окна от комаров. В игровой комнате расставили шашки и шахматы. Разложили на полочке книжки. Это было всё, чем можно было занять детей в непогоду. Впрочем, лето было в разгаре, дождей было мало и все они были

грибными. Так что, дети могли весь день проводить на улице. Ася с Нюрой водили их в лес, который просматривался насквозь, за земляникой. В поле, заросшем ромашками, плели венки. Купались в речке с пиявками в заводях, с илистым дном и белыми кувшинками на воде. Готовили концерты для родителей, которые приезжали каждое воскресенье. Вместе с физруком проводили спортивные соревнования. Пели песни у костра, инсценировали русские народные сказки.

Директор пионерлагеря, Семён Никитович – был смуглым высоким и плотным мужчиной с резкими чертами лица. Чёрные глаза, чуть на выкате, крупные зубы вечно приоткрытого рта из-за одышки – дыхание его звучало, как придушенное всхлипывание – нагоняли страх на детей. Он казался им великаном-людоедом, как в сказке, про кота в сапогах. На самом деле он был добрым человеком и делал всё, что мог, чтобы сделать жизнь детей в пионерлагере сытой и интересной. Обманчив бывает внешний вид человека.

День у Нюрки был занят под завязку. Но с вечера, когда дети засыпали, тоска по Кириллу не давала уснуть. Она выходила из барака, где жила вместе с детьми и Асей, садилась на скамейку, и замирала.

Время для неё сводилось только к текущему моменту. Вчера было похоже на сегодня и завтра, и тянулось, как старая резина. А Нюрка подгоняла время, стремясь быть поближе к Кирюше, видеть его, слышать его приятный голос. Она болела им, и выздоравливать не желала. Как невозможно бы-

вает убежать от нахлынувших чувств. И как трудно смириться с неизбежностью, если считаешь её несправедливой.

Розоватая полоса на горизонте возвещала о конце дня. На прозрачно-синем небе зажглись первые вечерние звёзды. Луна медленно всплыла над землёй, и чуть затмила блеск этих звёзд. Когда звёзды осыпали весь тёмный свод небес, тишина опустилась на спящий лагерь. Ветерок слегка шевелил высокую траву, где-то запел сверчок. Из барака вышла Ася, присела рядом, и тихо заговорила:

– Спят наши сорванцы. А ты всё скучаешь, подруга?

– Да я уже поняла, что мне надо смириться с неизбежностью – Аделаиду Петровну мне не одолеть. Но душа моя всё равно рвётся к нему. Он мой единственный. И что бы со мной не случилось в жизни, Кирюша останется единственной любовью в моей жизни. Я вот думаю, родить бы ребёночка от него, такого же умного и талантливого, и посвятить ему всю свою жизнь, как ты думаешь? Но я же никогда не смогу даже намекнуть ему об этом.

– Вот и хорошо, что не сможешь. Родишь ты ребёночка, и повесишь его на свою маму, а ей и вас двоих хватает на её зарплату и мизерное пособие за потерю кормильца. Ты помогла ему, и пусть это греет твою душу, а остальное выброси из головы, и живи дальше. Люди в эту страшную войну всё теряли, а потом начинали снова строить всё сначала, думая о насущных проблемах – так мы все устроены. Тебе сейчас 16, а через 2—3 года, ты уже по-другому будешь смотреть

на жизнь.

Они замолчали, думая каждая о своём. Нюра не поверила подруге, что она будет смотреть на жизнь по-другому: – Этого просто не может быть. – Подумала она.

С речки начал подниматься туман. А на белёсых крыльях тумана парила ночь, скрадывая все звуки. Свет электрических лампочек на летней кухне и туалете, проступающий из тумана, был похож на глаза хищных зверей в дикой глуши. А там, куда этот свет не проникал, царила кромешная тьма. Ночная прохлада заставила девушек, зябко поводя плечами, отправиться спать.

Нюрка приехала домой 15 августа. Помылась, переоделась, что-то перекусила на ходу, и помчалась в госпиталь. Она взлетела на третий этаж, даже не заметив ступенек. В палате все спали. Нюрка тихо прошла к кровати Кирюши и остановилась. Непонятно было, спит он или нет. Он не спал, нашёл её руку и посадил рядом с собой. Она прошептала:

– Как ты узнал, что это я?

– Я смогу отличить тебя среди многих других. Я чувствую тебя, потому, что мы с тобой на одной волне. – Также шёпотом, ответил Кирюша. Потом добавил: – Я ждал тебя.

– Я тоже скучала по тебе, ты самое дорогое, что есть в моей жизни. – Неожиданно для самой себя, прошептала Нюрка. – Я знаю, мы скоро расстанемся, но я всё равно буду любить тебя всегда.

– Да, я знаю это, спасибо тебе, добрая моя. Да, мы скоро расстанемся, врач сообщил мне, что через две недели меня выпишут, и мама увезёт меня к себе в Свердловск. Мне предстоят ещё трудные дни – операция, быть может, и не одна, долгое лечение и восстановление. Я не знаю, сколько времени это продлится. Но когда я приду в норму, обещаю тебе, я напишу тебе, и ты приедешь ко мне повидаться. Ты представляешь? Я тебя даже не узнаю, ведь я ни разу не видел тебя. Я знаю только твой голос и улавливаю твоё присутствие, но и это тоже не мало. Постарайся эти две недели приходить сюда каждый день, хорошо?

– Я буду приходить.

– А когда приедет моя мама, я познакомлю вас, я ей о тебе рассказывал.

– Хорошо.

Две недели пролетели мигом. Нюра встретилась с Аделаидой Петровной, и они друг другу не понравились. Кирилл почувствовал это, и сказал матери:

– Мама, я так благодарен Нюре за её доброту и участие.

Она кивнула головой, и показала Нюрке на дверь палаты. Нюрка поняла и вышла. Следом за ней вышла и мать Кирилла. Под её цепким взглядом Нюрка поёжилась.

– Я хочу отблагодарить тебя за заботу о моём сыне. – И она протянула Нюрке деньги.

– Мне хватило бы и простого «Спасибо», но только от души. А деньги оставьте себе.

– Как хочешь, милочка! Если ты рассчитывала на моего сына, то напрасно. У него другая дорога. А тебе, для начала, неплохо было бы освоить грамматику и писать без ошибок.

Нюрка повернулась и пошла своей дорогой.

– И эта отповедь вместо благодарности?! Может быть, я и наделала ошибок, когда писала ей письмо, но разве это главное?! – Рыдания душили её, не давая дышать. Самое обидное было то, что эта женщина сказала правду – она действительно надеялась на чудо, не желая расставаться с Кирюшей навсегда. А пришлось…

Нюрка не видела, как увозили Кирюшу, не попрощалась с ним, и была безутешна. Теперь она не ждала от жизни ничего хорошего и углубилась в учёбу.

НАДЕЖДА

Когда Надежда получила на мужа похоронку, то думала, что жизнь её кончилась. Она никак не могла поверить, что больше никогда не увидит своего Мишаню. Многие тогда получали похоронки, смерть косила всех без разбора, но Надя была уверена, что с её Мишей ничего такого случиться не может, ведь у них дети и они очень любят друг друга. И вот, случилось. Эта похоронка чуть не убила её саму.

Они прожили вместе почти 15 лет. Всякое бывало в их жизни – и ссоры, и драки. Они люди простые, и не умели сдерживать свои эмоции, оба были вспыльчивыми, а орать друг на друга было привычно для них с самого детства – так жили и их родители. Но размолвки были не долгими, происходило бурное примирение с объятьями, поцелуями и раскаянием, обещаниями больше никогда… и ни за что… и жизнь продолжалась.

Они поженились в 1926 году. Закончились первая мировая война, на которой воевали их отцы и Мишина мать, Фрося-пулемётчица, революция, иностранная интервенция, гражданская война. Сглаживалась послевоенная разруха. Жить было по-прежнему трудно, но легко наша страна никогда и не жила. Тотальные репрессии, их семей не коснулись – ни тогда, ни потом. Они слышали о них, краем уха, но не придавали этому значения – они свято верили всему,

о чём говорили по радио и писали в газетах.

Зато наступил мир. В 1926 году им было по 16 лет, но они считали себя вполне взрослыми – тем более что ранний брак тогда был не в диковинку – время было такое. Они торопились жить, как будто чувствовали, что мир этот, ненадолго. Их родители не возражали – они были вполне современные люди. В то время и регистрация брака и развод были парой пустяков – взяли паспорта, забежали в ЗАГС, 10 минут, и вы женаты. То же самое и с разводом. Так что, не поживётся молодым – разбегутся, рассудили их родители, лучше пусть сын женится, чем свяжется с кем не надо – по глупости. А тогда это запросто могло быть – в народе, особенно среди молодёжи, пышным цветом расцвела тюремная романтика.

Родители Миши жили в перенаселённой коммуналке, зато у семьи Нади от бабушки остался вполне приличный дом на окраине города. Там и поселились молодые Бурковы вместе с родителями Надежды.

Первых, два года, о ребёнке они не думали – вместе ходили на танцы, в кинематограф. Вели себя, как жених с невестой. Точнее, как любовники – и это было интересно. Но родители стали донимать, что хотят внуков, что хватит по танцам бегать: «Так, гляди, помрёшь и внуков не понянчишь». Тогда в 1929 году молодые родили дочку Нюрку. Время бежало без остановки. Надежда окончила курсы машинописи, и работала машинисткой. Михаил выучился на шофёра, и работал на заводе. Брак оказался на удивление прочным –

молодые по-настоящему любили друг друга, хотя частенько «сталкивались лбами», в основном, из-за ревности. В декабре 1935 года Надя родила сына Кольку. Она тогда сказала мужу:

– Это тебе, Мишаня, подарок к Новому году.

– Спасибо, роднуля! А у меня для тебя тоже есть подарок. Закрой глаза.

И он надел жене на шею кулон – овальную капельку из гранёного хрусталя на позолоченной цепочке. Надя редко надевала этот кулон – берегла, и хранила его в красивой коробочке.

Жили, как все в то время, растили детей. Работа машинисткой очень нравилась Надежде. Они с Мишей и, с помощью родителей, купили даже собственную печатную машинку, чтобы зарабатывать, даже, находясь в декретном отпуске. Надежда и Нюру научила печатать, когда та пошла в пятый класс. Печатала Нюра довольно бегло, но пока с ошибками.

Не успели, как следует обжиться – грянула война. Отцу Нади в 1941 году было 56 лет, но он, как старый коммунист, записался в труд. Армию. Он рыл окопы у Новгорода и погиб в августе 1941 года, при бомбёжке оборонительных сооружений. Мать недолго его пережила – она умерла от сердечного приступа. А в феврале 1942 года Надя получила похоронку на мужа:

«Ваш муж, Бурков Михаил Николаевич, 1910 года рождения, погиб смертью храбрых, в бою под городом Москва,

в результате вражеского артобстрела, 10 февраля 1942 года. Похоронен в братской могиле у деревни Капустино Московской области». Надежда перечитала похоронку несколько раз, прежде чем смысл сообщения дошёл до её сознания.

Пережить сразу столько горя Надежда была не в силах. Она забывала ходить на работу, перестала за собой следить. Она бы стала пить, если бы у неё были деньги, но откуда им было взяться? Надя изводила себя думами об ушедших родных, и даже дети не могли выдернуть её из глубокого омута тоски, как из вязкой трясины. Она стала походить на худенького подростка.

В этот период семью спасала Нюрка. Она взяла на себя заботу о Кольке и матери: топила печку, носила воду, варила картошку, через день, ходила в очередь за хлебом вместе с Колькой, чтобы им дали буханку хлеба и калач. Приходилось будить Кольку рано утром. Он никак не хотел вставать, цеплялся за подушку, натягивал на себя одеяло. Нюрка стаскивала его с кровати, быстро одевала, укутывала потеплее – даже и в марте было ещё холодно, и тащила братишку за руку до магазина. Он канючил всю дорогу, но она уговаривала его:

– Не капризничай, Колька, ты уже большой. Я тоже хочу спать, но кто же купит нам хлеба, если мы не пойдём в магазин? Наша мама болеет, её надо кормить, а то она умрёт от голода. Тогда мы с тобой будем сиротами, и нас отправят в детдом.

– Я не хочу в детдом, я хочу с мамкой.

– Ну, так иди сам, мне тебя тащить тяжело. Завтра не пойдём, и ты поспишь. – Так и ходили они, тянули эту не детскую лямку, пока были деньги, но их оставалось совсем мало.

Тогда Нюрка пошла на другой конец города к бабушке Фросе Бурковой. Но та мало чем могла помочь невестке и внукам. Однако она пришла к ним, несмотря на больные ноги и одышку, и, взялась за невестку. Фрося не стала жалеть её, и оплакивать сына вместе с ней, а отчитала «под первый номер»:

– Ты чего это лежишь, будто нет у тебя детей? Ты забыла, что идёт война, и не одна ты оплакиваешь своих родных? Твой муж – мой сын, и он отдал свою жизнь не для того, чтобы его дети погибли от голода и холода. Ты себя не жалей, пожалей других. Сейчас многие молодые женщины идут на фронт, чтобы заменить своих погибших мужей, и бить фашистов до полной победы, как и мы когда-то. Но у тебя дети, и ты должна их сохранить. Ты знаешь, что Нюркину школу закрыли, и оборудовали там госпиталь? Детей временно перевели в мужскую школу. Перестань страдать и иди работать в госпиталь, хотя бы санитаркой, там для тебя теперь будет линия фронта. Сейчас не время стучать на машинке. Вот там и увидишь, что многим людям гораздо хуже, чем тебе, и это поможет тебе пережить твоё горе, каким бы безмерным оно не было. – Потом она обняла Надежду и добавила: – Я на те-

бя надеюсь, доченька. У нас с дедом кроме тебя и внуков никого не осталось.

Вот так Фрося-пулемётчица вернула невестку к жизни.

Свекровь была права. Надежда устроилась в госпиталь санитаркой. Чего только она там не повидала. Поначалу она пролила немало слёз, жалея искалеченных страдальцев, молоденьких солдатиков, которые в бреду звали маму, а потом хватали её за руку и просили:

– Тётя Надя, посидите со мной, мне рядом с Вами не так больно.

Ей было очень трудно и физически, она не привыкла к такой нагрузке. Весь день на ногах, не разгибая спины. Особенно изнурительными были ночные смены. А эти тяжёлые и застоявшиеся запахи хлорки, карболки, гниющих ран и т.д., которые пропитали даже стены госпиталя.

Постепенно она привыкла ко всему – то, что становится постоянным и обыденным, уже не так затрагивает душу и тренирует тело.

Домашнее хозяйство вели родители. Дрова для печки заготавливал Миша. Огород тоже был на родителях. А теперь всё это свалилось на них с Нюркой. Надя была благодарна дочке – она была незаменимой помощницей и опорой своей матери – у неё оказался сильный характер, а душа добрая – этим она очень походила на своего отца и бабушку Фросю. Но, по большому счёту, Нюрка была всего лишь подростком, и ей было очень нелегко делить тяготы военного времени

с матерью. Так и пережили они эту ужасную войну, и дождались Победы.

Но легче жить не стало. Не было у них кормильца, добытчика и хозяина в доме, правда, не у них одних. На родителей Миши надеяться не приходилось – старики постоянно болели, их подкосила смерть единственного сына, хотя и они, изредка, помогали.

Надежда переживала за Нюрку, когда поняла, что дочку осенила первая любовь. Видела, что из этого ничего не получится, но не мешала ей самой это понять. Её дочь была не по годам самостоятельная и толковая, а Наде был всего 31 год, и она не забыла себя, в Нюрином возрасте, и свою любовь к Мише. Хотя здесь была совсем другая ситуация.

Посылая Нюрку на работу в пионерлагерь на всё лето, она надеялась, что расставание снизит накал Нюркиной любви к взрослому парню. Ей казалось, что он играет с Нюркой, как кошка с мышкой, от скуки. Другие выздоравливающие раненые читали книжки, играли в карты, в шашки или шахматы, глазели на улицу, сидя на окнах, и задирая проходящих мимо женщин. Некоторые из раненых «крутили любовь» в парке у школы с местными девчонками. Кирилл был лишён этих радостей из-за своей слепоты.

Однако любовь Нюрки к Кириллу не только не угасла в разлуке, а стала ещё сильней.

Когда Кирилл уехал, Нюрка перестала ходить в госпиталь. Ей было больно видеть всё, что напоминало о Кирюше. Она

скрывала от всех свои слёзы и тоску, а Надежда подумала, что Нюрка смирилась с неизбежным. Да и учёба на последнем курсе требовала серьёзного отношения.

Приближалась весна – пора посадки картошки и овощей. Что ни говори, а огород – кормилец, но он требует заботы и ухода. На огороде они работали втроём – их маленький мужичок Колька тоже старался помогать. Потом надо будет как-то заготовить дрова на зиму. Для этого Надя откладывала деньги по чуть-чуть уже несколько месяцев.

АННА МИХАЙЛОВНА

Когда уехал Кирюша, Нюрка решила, что будет ждать от него письма, как он и обещал – а что ей оставалось делать? Она не верила, что рассталась с ним навсегда, это было несправедливо и с этим невозможно было смириться. Нужно просто набраться терпения и подождать, пока Кирилл вылечится и позовёт её. А пока насущные проблемы не давали ей расслабляться.

Приближался новый 1946 год. Нюрка смотрела на своего худенького и бледного, как былинка, братишку, и жалость к нему заполняла её душу. Она решила порадовать братишку и устроить ему настоящий Новый год. Она сказала об этом матери. Завхоз госпиталя поехал в лес за ёлкой, и Надежда попросила его привезти ей хоть совсем маленькую ёлочку для сынишки. Он привёз, добрый человек, да ещё и крестовинку для ёлочки сработал. Они с Нюркой поставили ёлку на тумбочку, достали ещё довоенные игрушки, которые пролежали в коробке всю войну, и стали все вместе наряжать эту ёлочку. Нашлась даже старинная гирлянда со времён детства самой Надежды. Все трое были в восторге. Они, перебирая и рассматривая игрушки, развешивали их.

В обряде украшения ёлки есть что-то магическое, а в то непростое время – тем более. И Надя, и дети, испытывали волнение и радость, глядя, какой красавицей становится

ёлочка, рутина их бытия отступила, хоть на короткое время. Только сейчас они осознали, что война кончилась, и мирная жизнь снова вернулась к ним.

Колька родился в конце декабря и мама с Нюркой обещали ему сюрприз, совместив оба праздника. Надежда вспомнила, что где-то на чердаке лежат её коньки, которые надо привязывать на валенки. Это и был сюрприз для Кольки. Нюрка перерыла весь чердак, замёрзла там так, что нос посинел, и озябли руки, но коньки она нашла, отмыла их, протёрла, приготовила верёвочки и палочки, с помощью которых коньки прикручиваются к валенкам.

Надежда отоварила карточки, и к празднику напекла маленьких пирожков с капустой и с картошкой, сварила компот из смородины, которую она припасла ещё с осени. В общем, получился пир горой. Кольке исполнилось 11 лет, он учился в 5 классе, но, в отличие от сестры, когда она была в этом же возрасте, был совсем ребёнком. С утра он всем надоедал, когда же они сядут за стол. Когда они сели обедать, Кольке кусок в горло не лез, так не терпелось ему получить свой сюрприз, а до вечера было ещё так далеко.

– Ну, чего тянуть-то! День рождения давно прошёл! А этот Новый год, устанешь ждать! – Пришлось отступить от правил, и вручить ему подарок прямо сейчас, не дожидаясь наступления Нового года.

Схватив свёрток, он прижал его к груди, не торопясь разворачивать. Он и хотел увидеть подарок, и боялся разочаро-

ваться в нём – не часто ему дарили подарки, а последние годы – никогда.

– Ну, что же ты не смотришь подарок, сынок? Смотри, пока на улице не стемнело.

Колька быстро развернул подарок, и, увидев коньки, заплясал от радости, и, забыв про обед, побежал одеваться. Мама и Нюрка не удерживали его, пусть радуется. Радость – второй подарок.

Нюрка помогла брату прикрутить коньки к валенкам, и, одевшись, вывела его на дорогу. Вскоре Кольку окружили ребятишки, они с завистью смотрели на Колькино богатство и с надеждой спрашивали:

– Дашь покататься?

Отказываться было не принято, и они стали кататься по очереди до самой темноты. Причём, коньки они с валенка не откручивали, а просто менялись с Колькой валенками. Так что ему пришлось в этот день перемерить валенки всех своих приятелей, и были они то велики, то малы.

То, что получал один из этих ребят – становилось достоянием всех. Вот радости-то было всем соседским ребятишкам в этот предновогодний день! Прошло меньше года, со дня Победы. Жизнь дала новые росточки перед самой войной – вот этих ребятишек, которым повезло сегодня, а что будет завтра – не знал никто.

Так и прошёл Новый год, прошла и зима. В мае Нюрке исполнилось 17 лет. От Кирюши не было никаких вестей.

Но она верила и надеялась, что рано или поздно Кирюша напишет ей, как и обещал. Сердце её и мысли принадлежали только ему.

Холода ушли, и на дворе стояла весна. Залитые солнечным светом небеса, улыбались весне и людям. До грусти ли тут, когда тебе недавно исполнилось 17 лет, и жизнь кажется бесконечной. И о плохом не хочется думать – юношеский оптимизм распирает душу!

Окончив училище, Нюрка получила диплом о средне-специальном образовании, что давало ей право поступить в институт, сдав экзамены. Дали ей и направление на работу в деревню Верховка – в пяти километрах от города. А ещё предписание явиться к месту работы и в сельский совет не позднее 15 августа. Нюра оказалась на пороге новой, самостоятельной жизни. И страшно, и интересно. Её жизнь переходила на новый уровень.

Пока она училась, проходила практику в городской школе, жила рядом с мамой и Колькой, она как-то не задумывалась о том, что рано или поздно оторвётся от привычной, худо-бедно обустроенной жизни. Нюрка никогда не жила в деревне. Но это бы ещё ладно, трудностей она не боялась, но как же будут без её помощи мама и Колька? А если Кирюша напишет, как она выберется к нему, ведь её не отпустят? Да и где взять денег на дорогу, и что она наденет? В общем, в душе у Нюрки всё перемешалось – и радость, и сомнения, уныние и терзания.

У неё оставался месяц на подготовку к переезду в деревню и к новому учебному году. Ведь теперь она будет уже не Нюрка, а Анна Михайловна. Значит, и выглядеть она должна соответственно. Ей надо сшить строгое платье с белым воротничком, купить туфельки на маленьком каблучке и светлые чулки. С причёской тоже проблема – не придёшь ведь на работу с косичками. Но, где взять столько денег? Этот вопрос мучил их с матерью, но они не ведали, как его решить. А время шло. В долг тогда никто не давал, да и чем отдавать этот долг? Тогда, Нюрка пошла к бабушке Фросе. Та умела решать любые проблемы.

В то время одежда была повседневная и на выход. Ту, что на выход, хранили годами и надевали только в особых случаях. Такая одежда была и у бабушки Фроси. Она и сейчас не была толстой и грузной, а в молодости была стройная и фигуристая. Одежда на выход хранилась у неё в сундуке ещё с тех времён. Понятия модно-не модно, тогда в ходу не было, ценилось только качество материала и его устойчивость при носке. Так что бабушкин сундук оказался очень кстати. Оттуда извлекли шевиотовый тёмно-синий костюм – юбку с жакетом на подкладке, светло-голубую блузку на пуговках с закруглённым воротничком и ещё кое-что, очень нужное, чулки, например, о колготках тогда и не слыхивали. Нашлось и обалденное шерстяное платье – тёмно-вишнёвое с юбкой шести-клинкой, воротником в мелкую складочку, и с поясом. Всё это было упаковано в сундуке в льня-

ную ткань и пересыпано нафталином против моли. Нюрка была рослой, как бабушка, а её мама ниже неё, поэтому её довоенные наряды Нюрке и не пригодились.

– Вот, носи на здоровье, мне это уже ни к чему. Повесите во дворе проветриться, щёткой пройдётесь, подправите по фигуре, и будешь выглядеть лучше некуда. Жизнь твоя, внученька, делает крутой поворот. Смотри не подкачай, работай на совесть, тебя в деревне насквозь просветят – и дома и на работе ты у всех на виду. На танцульки ходить не спеши – людская молва хуже коросты, пристанет – не отдерёшь. И шуры-муры заводить погоди, присмотрись к людям хорошенько, потом всё сама поймёшь. О себе и своей семье много не рассказывай, в душу-то к себе шибко не пускай – что-то не так поймут, а то и умышленно переврут, и пойдут по селу сплетни. Будь со всеми ровной и уважительной – ты ведь теперь представитель интеллигенции на селе. Ну, а уж если зауважают тебя, то уж всей душой. Ну, давай, иди, с Богом! Нас с дедом не забывай. – Она расцеловала Нюрку в обе щёки. А у Нюрки от радости не хватало слов, чтобы поблагодарить свою бабушку – палочку выручалочку. Дедушка, слушая наставления внучке, только согласно кивал – жена для него была непререкаемым авторитетом.

Нюра летела домой, как на крыльях – проблема с одеждой почти решена. В ближайший выходной они с мамой сходили на рынок и купили подходящие туфельки, правда не новые, но вполне приличные и как раз по ноге. Купили они и рези-

новые сапоги – осенью в деревне без них и шагу не ступишь. Теперь причёска. Нюра пришла в парикмахерскую, и тихонько обратилась к женщине – мастеру:

– Я буду работать в школе, какую мне лучше сделать причёску?

Посмотрев на Нюрино юное лицо, она сказала:

– Ну, завивку тебе делать рано, укладку тоже. Может, пострижём тебе волосы покороче? Вот так – до плеч? Можно их потом заколками поддерживать.

Нюрка в этом совсем не разбиралась, она привыкла к своим косичкам, поэтому сразу согласилась. Парикмахерша кивнула головой, взяла ножницы и быстро отхватила обе косички. У Нюрки почему-то сразу навернулись слёзы. У неё было такое чувство, как будто ей отсекли детство и юность, вытолкнув её во взрослую жизнь.

Когда на следующий день Нюра надела свой новый наряд, причесала волосы на новый лад, мама, увидев её, была поражена. Она охала, ахала, всплёскивала руками, и вообще всеми возможными способами выражала своё восхищение и изумление. А потом, неожиданно, заплакала:

– Нюрочка, какая же ты стала взрослая, и когда ты успела вырасти? А мне уж теперь пора стать старушкой и нянчить внуков.

– Что ты, мамочка, ты у меня такая красивая и совсем молодая, и до внуков тебе ещё далеко. А ты возвращайся на свою прежнюю работу, война ведь кончилась, госпиталь

скоро всё равно закроют.

– И то, правда, доченька, хватит слёз. Ты уедешь, с кем я буду Кольку оставлять в ночную смену? Да и давно пора вспомнить, что мне только 36 лет.

На другой же день она подала заявление на расчёт, начальник госпиталя не стал удерживать Надежду, и она нашла себе место машинистки в редакции районной газеты. Одновременно она поступила на бесплатные курсы стенографии. Для Надежды тоже началась новая жизнь, и она просто расцвела, снова почувствовав себя молодой.

Договорившись с редакционным шофёром, Фёдором Ивановичем Ковалёвым, высоким осанистым мужчиной, она отправила Нюру в Верховку 14 августа. Солнце посылало на землю потоки ласкающего тепла. Синее небо безоблачным куполом прикрывало тёплую землю.

Дорога до Верховки – 5 километров грунтовки. Хорошо, что не было дождя и редакционный газик, в народе именуемый как «козлик», резво скакал по промоинам и выбоинам, поднимая завесы дорожной пыли.

– Что же здесь будет после дождя? Я и в сапогах здесь утону! – Уныло подумала Нюра.

Не доезжая до деревни, они пересекли прозрачный и удивительно светлый лесок, который только начал менять свой наряд на золотистое убранство ранней осени.

Доехав до сельсовета, Фёдор Иванович, посмотрев на расстроенное лицо своей пассажирки, улыбнувшись, сказал:

– И здесь живут люди, ты тоже привыкнешь, в молодости – всё, нипочём. Иди, я тебя подожду здесь, у тебя сумки тяжёлые, отвезу их, куда тебя поселят.

Нюра благодарно посмотрела на шофёра, и подумав: «Есть же на свете хорошие люди», – пошла в сельсовет. У крыльца сидел малыш, примерно четырёх лет, рядом с большой кудлатой собакой. Он сообщил Нюре, что его зовут Витька, его мама работает в сельсовете, и он её ждёт.

Председатель был на месте. Он был коренаст, румян и полон шумного оживлённого настроя. Увидев Нюру, он встал из-за стола, и она заметила, что одна нога его – деревянная по колено. Он заговорил нараспев:

– О-о! Кто к нам прие-ехал! Уж не новая ли учительница первоклашек? А чего такая печаль в глазах? Город покидать не хотелось? Ничего, Вам у нас понравится. Ну, давайте Ваши документы… Анна Михайловна Буркова, значит. Это хорошо, что молодые кадры приходят к нам в село. Будем знакомы – Василий Фёдорович Гнатченко. Секретарь сельсовета, Лена, проводит Вас к Вашему жилью. Мы поселим Вас в хороший дом к одной старушке, не далеко от школы, а завтра Лена проводит Вас в школу, и Вы познакомитесь с директором. Всё остальное в её компетенции. За жильё будет платить сельсовет, мы же обеспечим Вас и топливом на зиму. На учёт в комсомольскую организацию встанете у моего секретаря Лены. Вопросы есть? Нет? Тогда желаю Вам, Анна Михайловна, хорошо устроиться. Лена! Проводи Анну Ми-

хайловну в дом к Акимовне, а завтра с утра – в школу.

Лена, полноватая молодая женщина, войдя в кабинет, молча кивнула, и Нюра вышла за ней в приёмную.

– Комсомольская ячейка у нас пока небольшая, всего 15 человек, в основном, за счёт ребят из МТС. Молодёжи пока мало – это или подростки школьного возраста, или фронтовики, которых призвали на фронт в самом конце войны. Собираемся раз в неделю, слушаем политинформации, обмениваемся и другой информацией, решаем организационные вопросы, выпускаем листок «На злобу дня», и вывешиваем в конторе. Приходите завтра, в 7 вечера, в школу, там мы проводим наши собрания. А сейчас я заберу своего сына Витьку, и пойдём к Акимовне. Витька, узнав, что они с мамой поедут на машине, забрался туда раньше всех, и начал расспрашивать Фёдора Ивановича про руль, педали и другие части машины. И трое взрослых подумали об одном и том же: как же мальчику нужен отец! «А мне – сын», – подумал Фёдор.

Дом, и правда, был хорош. Добротный забор с калиткой, просторный двор. Широкое и высокое крыльцо, утеплённая дверь. Фёдор Иванович, увидев всё это, одобрительно подмигнул Нюре. На крыльцо вышла довольно высокая старушка в длинной юбке и просторной кофте. Седеющие волосы прикрывал белый ситцевый платок. Её светлое, типично русское лицо, покрытое лёгкой сеткой морщин, оживляли ярко-голубые глаза. Она, молча, постояла, оглядывая всех, по-

том задержала свой взгляд сначала на шофёре, будто что-то припоминая, потом, на Нюре, и они с Нюрой, неожиданно, улыбнулись друг другу. Старушка с облегчением вздохнула. У Нюры тоже поднялось настроение – они понравились друг другу.

– Ну, вот, теперь я впервые буду жить в чужом доме с чужим человеком. Жизнь моя, и правда, сделала крутой поворот, – смутилась Нюра, но вслух ничего не сказала.

– Акимовна, я привела тебе жиличку, нашу новую учительницу, Анну Михайловну. Ну, я пошла, дальше уж вы сами, – и Лена пошла в сельсовет.

– Проходьте в дом. Вы какую комнату хочете – с окном на улицу, али в огород?

– Да мне поближе к печке, остальное – всё равно.

Они прошли в комнату, одна стена которой, была тыльной стороной печки. Чистые окна смотрели на улицу. Фёдор Иванович снова одобрительно хмыкнул, и занёс в комнату Нюрины вещи. Он с интересом осмотрел весь дом, и, выходя во двор, спросил:

– Ну, я поехал, что матери-то передать? – Акимовна, услышав его голос, снова посмотрела на него, подумав: – Где же я его видела? И знакомый, и незнакомый вроде, да ну его!

– Фёдор Иванович, большое Вам спасибо за поддержку. Что бы я без Вас делала? А маме передайте, что у меня всё хорошо. Как обустроюсь, в выходной день, если будет хоро-

шая погода, приду их с Колькой проведать.

Проводив шофёра, Нюра вернулась в комнату и начала раскладывать вещи. Комната была просторная, но бедная, почти пустая, но Нюру это не смутило – она тоже не в хоромах жила. И тут в комнату вошла Акимовна и спросила:

– Обедать будете, Анна Михайловна? У меня сегодня щи, правда, без мяса.

– Ну конечно, буду, Акимовна, руки помою и приду. Рукомойник в коридоре?

Когда они сели за стол, Нюра попросила:

– Акимовна, не зовите меня на «Вы». Вы можете называть меня просто Нюра и на «ты», когда мы дома одни. Я ещё не привыкла, чтобы меня называли по имени и отчеству, хорошо?

– Хорошо, Нюра. И ты зови меня, на «ты».

Щи были очень вкусные, с чёрным домашним хлебом. Нюра достала пирожки, которые испекла ей мама, собирая в дорогу, и они, с удовольствием, пили чай с пирожками, ведя неспешный разговор:

– Я вижу, понравился тебе дом, а он не простой, как и всё в нашей жизни. После гражданской-то войны, как только люди немного обжилися, стали собирать колхозы, скотину сгоняли со всех дворов, чтобы, значить, всё общее сделать. А председателем поставили, завзятого лентяя и гуляку, зато партейного, здоровущего мужика Силантия Воронина. А в етом самом доме, где мы с тобой сидим, жил крепкий хо-

зяин, Егор Кузьмич Лопатин. Мы с евоной дочкой Палашкой дружили крепко, хотя она была лет на 5 моложе меня, а за её брата Гавриила родители наши уже сговорились меня замуж отдать. Да и мы с ним, значить, давно уж друг друга-то приметили. У него брат был на 2 года моложе, как раз мне ровесник, Федькой звали, он-то и вовсе с меня глаз не спускал, да Гаврюшка-то мне больше по сердцу был. Наша-то семья не богатая, но и не бедная была. Середняками нас называли. Ну вот, значить. Согнали скот, а ухаживать за им, плохо стали, корма вовремя не заготовили. Ревут коровы-то голодные, в хлеву грязища. За 2 года колхозной-то жизни половина скота передохла. Егор Кузьмич, значить, и высказался, что, мол, это за власть такая скотину губить, да и забрал домой свою-то, хоть ту, что осталась. Тогда председатель колхозу, Силантий-то этот – такой ирод был – никого не жалел, чистый грабитель. Упёк он Егора Кузьмича, значить, со всей семьёй незнамо куда, больше их никто и не видел, а сам председатель и занял дом Лопатиных-то. Евоная-то хибара совсем развалилась от недогляда, никудышный он был хозяин. Потом, значить, пришёл к моему отцу, да и говорить:

– Отдайте за меня Степаниду вашу, то бишь меня, а не отдадите, следом за Егором Кузьмичём, как кулаки и мироеды, пойдёте.

Мужик он был толстый и неуклюжий, словно гусь, откормленный к празднику, а голос тонкий, как у бабы. Волос пегий, а рожа красная, как перезревшая помидорина – аж

блестит, того гляди, лопнет. Бровищи мохнатые, губы толстые да слюнявые. Скрозь косоворотку-то на груди густой пегий волос, как у зверя какого мех, топорщится.

Ну и вот, значить, услышала я такие-то его речи, упала в ноги к батюшке, да и давай его просить, чтоб не губил он мою жизнь. Лучше старой девой останусь, чем за этого ирода выходить. И мамка моя рядом со мной на колени бухнулась. Да где там! Призадумался мой-то отец, а потом и говорит:

– Дочка, лучше ты одна пострадаешь, чем все мы погибнем, ведь кроме тебя у нас ещё пятеро ребятишек и мать-то с отцом наши ещё живые. Вот и подумай, Паня, чай не съест он тебя, а ты спасёшь всех нас. Да и сколько ты будешь в девках сидеть, давно уж пора тебе замуж-то идти. В справный дом ты хозяйкой войдёшь, да и мы-то рядом будем.

– Что мне оставалось делать-то? Согласилась я на казнь эту египетскую. Каждый день брала я грех на душу – молила Боженьку, чтобы нашёлся добрый человек и убил бы моего антихриста окаянного, ирода проклятого, или меня бы боженька забрал к себе, никак не хотелось мне жить. Через год родила я ему сына, вылитый отец получился, и такой же жестокий. А Силантий-то и рад, даже меня бить перестал. Бывало, возьмёт сынишку на руки, поднесёт ко мне, да и говорит мальцу, мол, стукни мамку-то, кулацкое отродье она. Но, недолго сынок на свете пожил, всего 9 годков. А, потом пошёл, значить, с ребятами купаться на речку-то, заплыл далеко, да на глазах у всех и утонул, видно ногу свело или ещё

чего приключилось. Совсем озверел Силантий-то. Мне сказал, мол, не родишь мне сына – убью. Я его, как смерти, боялась, да только родить я уже не могла – столько он меня бил, что видно всё отбил.

– А, вскоре, и война началась, немцы деревню захватили. И пошёл мой-то кровопивец в полицаи. Вот тебе и партейный. Да недолго куражился – повесили его партизаны, прямо на воротах конного двора. А меня, слава Богу, никто не обижал, все знали, как мне жилось-то с ним. А перед самой-то войной вернулась из ссылки Палаша, подружка моя, дочь Егора Кузьмича. Встретились мы с ней у моих родителей, она, значить, и рассказала, что все погибли, кроме неё и старшего брата, Гаврюши, моего-то бывшего жениха. Его, значить, прямо из ссылки-то в армию забрали, а потом на фронт. Оттуда ей, значить, и похоронка-то на брата пришла. А брат ихний, Федька, из ссылки сбежал, да так и сгинул, незнамо где. Поплакали мы с ней, над нашей-то судьбинушкой, да так и не поняли – у кого из нас она горше-то оказалась. Да и Палаша недолго пожила, не прошла ей даром ссылка – следом, за своими-то, и ушла. Вот какой это дом. Мне-то 46 годов всего, а выгляжу, как старуха. Ну, вот, значить. Нелегко мне живётся, да кому сейчас легко? Председатель-то сельсовета хочет из этого дома избу-читальню сделать, да меня не знает куды девать. А я без своего-то ирода ожила, да живу и живу, и помирать не хочется. Работать в колхозе не могу, так уборщицей меня взяли – мою полы

в сельсовете, жить-то на что-то надо. Родные мои разлетелись, кто куды. Братья-то, значить, на фронте полегли, родители померли, один за другим, как увидели, во что моя жизнь-то обратилась. Сестра замужняя в блокаду померла, ещё одна сестра-то на Дальнем востоке живёть, одна я здесь, значить, и осталась. Дом моего-то отца под контору забрали. Вот ты, Нюра, приехала, так хорошо! Вижу, добрая ты. Вдвоём-то мы с тобой, значить, будем жить-поживать. Ты работать будешь, а я на огороде, да по дому – сварить там чего или прибрать. Может, рядом-то с тобой, и я ещё поживу, придётся видно нашему председателю с избой-читальней обождать чуток.

Не всё, в этой исповеди, понравилось Нюре. Она была комсомолкой, и свято верила всему, что говорили ей в школе. И про кулаков она знала, что они враги трудового народа. Но, и Акимовне она поверила сразу, та была из семьи середняков, которых товарищ Сталин запретил трогать. Нюра от души пожалела её, решив, что это был единичный случай вопиющей несправедливости. Этот Силантий, думала она, с самого начала был предателем Родины, потому и вредил всем. Наивные люди тогда были.

В то время не принято и опасно было ставить под сомнение политику партии и товарища Сталина. Но Акимовна уже столько пережила, что уже ничего не боялась, а шило в мешке всё равно не утаишь. Больше, правда, они к этому разговору никогда не возвращались, и Нюра помалкивала, ну, и лад-

но – придёт время, когда об этом будут говорить открыто, но не сейчас, в 1946 году. Тем более что из-за летней засухи этого года, в хлебородных областях СССР, погиб почти весь урожай зерновых, стране грозил голод. По карточкам урезали норму продуктов до минимума, но всё равно пришлось закупать зерно за границей.

Вечером этого дня, переполненная впечатлениями, Нюра, никак не могла уснуть. Она встала с кровати, и на цыпочках вышла на крыльцо. Ночь была темна и безмолвна, настолько темна и настолько безмолвна, какими ночи бывают только здесь, вдали от города. Кругом царили тишина и покой. Посидев на крыльце, послушав эту тишину, Нюра вернулась в свою комнату, легла, и сразу уснула. Не спалось в эту ночь и Акимовне. Тяжёлые воспоминания вызвали у неё защитную реакцию, и она начала вспоминать о своём коротком женском счастье, которое свалилось на неё нежданно-негаданно. Об этом она никому не рассказывала и не расскажет.

Случилось это в 1944 году. Всю войну у них в деревне было расположено интендантское подразделение, поэтому деревня Верховка уцелела. Когда немцев из Новгородской земли выбили, надо было поднимать сельское хозяйство. Выбрали нового председателя – молодого парня из местных, Никиту Торокина, вернувшегося с войны инвалидом – без руки и хромого. Он решил привлечь к полевым работам сезонных рабочих, не вдаваясь в их биографию. Такого рабочего и поселили к Акимовне.

Он пришёл утром. Здоровущий мужик с мощными руками, широкими покатыми плечами и бычьей шеей. Его коротко остриженные волосы торчали ёжиком. Из-под густых бровей мрачновато и недоверчиво поблёскивали медвежьи глазки. Голос его был низок и глуховат. Осмотрев её огород, двор, и дом, он начал работать. Поставил на место болтавшуюся калитку, починил крыльцо, подправил покосившийся забор. Потом одним махом, не разгибая спины, вскопал огород. Акимовна смотрела на это чудо, разинув рот. Она никогда не видела, чтобы мужик так работал, и, при этом, был неутомим.

Когда он закончил работу, достал ведро воды из колодца, и, буркнув: «Полей!», склонился под струёй, фыркая и отплёвываясь. Взяв у Акимовны полотенце, он вытерся, и, войдя в дом, по-хозяйски, сел за стол на кухне. Акимовна поинтересовалась: – Как зовут-то тебя, работник? – Он ответил, нехотя: «Ну, Захар». Потом спросил:

– Чем кормить будешь, хозяйка?

– Картошка у меня, да и той мало. Всю скотину немцы перевели.

– Ну, давай, что есть. – Он съел всё, что она приготовила себе на обед и ужин, и не заметно было, чтобы он наелся. Захар даже не заметил, что хозяйка осталась без обеда и ужина. Покончив с едой, он сидел и думал:

– Не густо. Значит, надо хозяйку умилостивить. Что ж, я не так молод, как был когда-то, и немного утомился за день,

но, всё же можно попробовать. – Эта мысль послужила сигналом к действию. Он поднялся, потянулся, грубовато сгрёб Акимовну, и понёс её к кровати. Она, молча, отталкивала его, а он жарко шептал:

– Ну, чего же ты, дурёха, счастья своего не понимаешь!

Ей было не справиться с ним, а кричать она не решилась, боясь позора. А тут ещё непонятное, не изведанное ранее чувство томления, охватило её, и она расслабилась…

Наутро всё валилось у неё из рук, она никак не могла забыть те ощущения, что вызвал в ней этот дикарь и обжора. К его приходу она наварила картошки, потолкла её, и сделала запеканку. Потом достала квашеной капусты, и стала ждать Захара. Он пришёл, когда опустились сумерки. В руке у него болтался петух с отрубленной головой. Акимовна обмерла и с дрожью в голосе спросила:

– Украл?

– Заработал. Приготовь. – И он пошёл мыться. Акимовна быстро ощипала петуха, и сварила его в печи. Потом поставила всю еду на стол. Захар буркнул: «Садись, ужинать будем».

Так было каждый день. После работы в поле, Захар работал у хозяев, и плату брал продуктами. Он приносил еду к Акимовне, и они вместе ужинали. Она уже с нетерпением ждала ночи, и он ни разу не обманул её ожиданий. Она чинила и стирала ему заскорузлую от пота и грязи одежду, когда Захар засыпал, чтобы утром он надел всё чистое. Так

и прошёл сезон полевых работ. Акимовна не хотела думать о том, что Захар скоро уйдёт.

Но это время всё-таки наступило. Утром, Акимовна смотрела, как он собирает свою котомку. Она, преодолев свою гордость, и, сдерживая слёзы, спросила:

– Может, останешься, Захар? Жили бы вместе, хозяйство бы завели.

– Нет, я для такой жизни не пригоден. Бродяга я. А за вас, баб, я и с роду не держался. – И ушёл, не прощаясь. Он даже не спросил, как её зовут, но для неё это тоже стало не важным, лишь бы Захар был с ней. Долго вспоминала Акимовна их жаркие ночи – сначала со слезами, а потом с грустной улыбкой, благодаря судьбу, за кусочек женского счастья, который, нежданно, достался ей, за всю её безрадостную жизнь. И снова осталась она одна-одинёшенька в большом доме. А теперь вот, Нюра у неё поселилась. Так и уснула она, улыбаясь.

ШКОЛА

На следующее утро, Нюра шла знакомиться со школой, вместе с Леной. Пока они шли, Лена рассказала о себе. В июне 1941 года она приехала из Ленинграда, где жила с мужем и своими родителями, в гости к дяде, Василию Фёдоровичу, вместе с грудным Витькой, чтобы окрепнуть, живя в деревне. Здесь её и застала война. Она рвалась к мужу, но узнала, что её родной город в блокаде. А в деревне никто от голода не умер. Они с мужем перед войной окончили филологический факультет Ленинградского университета, и, когда Лена поехала к родным, муж отправился собирать фольклор в Рязань. Там его и застала война. Он стал фронтовым корреспондентом, а в 1944 году Лена получила сразу два тяжёлых известия – похоронку на мужа и письмо от соседей, что её родители не пережили блокаду.

– Так я и осталась в деревне. Дядя ушёл на фронт, и вернулся инвалидом. Его назначили председателем сельсовета, и он взял меня на работу секретарём. В Ленинграде осталась квартира родителей, но я боюсь туда ехать. Поживу ещё с дядей, а там видно будет. Витьке скоро 5 лет, может, перед школой вернёмся в Ленинград. Вы здесь тоже вряд ли долго проживёте. А вот, и наша школа.

Это было одноэтажное деревянное строение с печным отоплением и привозной водой. Туалет с выгребной ямой –

один на всех. Школа явно требовала ремонта, но средств, для этого, у сельсовета не было.

Внутри школы картина не лучше – всё выкрашено в тёмно-синий и зелёный тона ещё до войны, света мало – оконные рамы в мелкую клетку плохо пропускали свет, особенно в непогоду. Слабый накал лампочек давал свет чуть ярче сумрачного. Дети распределены на классы – с 1 по 4, но парты все одного размера. Нюра поняла, что здесь всё противоречит теории воспитания и образования детей начальной школы – теория эта оказалась оторванной от реальной жизни, и это сильно удручало молодую выпускницу педучилища. Но это было ещё не всё.

Дети в эту школу собирались из разных деревень, и добирались, как могли в любую погоду. На начало этого учебного года детей по списку было 40 человек, поэтому пришлось объединить первый и второй, третий и четвёртый классы. Нюре дали первый и второй, показав её классную комнату. Половина детей были гораздо старше положенного возраста. Они были жителями разорённых войной деревень, и не учились в школе с начала войны, поэтому в первом классе были дети семи и одиннадцати лет, а во втором – восьми и двенадцати. Глядя на этих ребятишек, Нюра сдерживала слёзы – жалкими были её ученики.

Директор школы, она же и завхоз – Тамара Афанасьевна – женщина средних лет, уставшая от житейских невзгод, и страдающая гастритом. В молодости, возможно, она бы-

ла довольно симпатичной. Но жизнь, как будто промокнула её облик, невидимой промокашкой, и она выцвела, превратившись в худую, бледную и желчную, вечно раздражённую личность, не желающую ничего менять в школе. В общем, директор Нюре не понравилась. Потом она познакомилась со второй учительницей, Верой Ивановной. Ей было уже 27 лет, её сын пойдёт в 1 класс к Нюре. Была ещё уборщица, она же истопник и водонос – Клавдия, или Клаша, как все её называли, героиня гражданской войны, одинокая и заброшенная, единственной семьёй её, была школа. И Клаша в ней дневала и ночевала.

На этом знакомство со школой закончилось. Тамара Афанасьевна приказала подготовить классы и пособия к началу учебного года. Рабочий день начинался с 8 утра.

Вечером Нюра пошла на комсомольское собрание. Ей было всего 17 лет, поэтому не терпелось познакомиться с местной молодёжью. Она надела простенькое платье, сшитое мамой, которое очень шло к её глазам. Кирилл остался в её сердце, и она была уверена, что только он останется там навсегда, но молодость брала своё. Она пришла, когда все уже были в сборе. Лена представила её:

– Это наша новая учительница Анна Михайловна Буркова. Но мы здесь называем друг друга просто по имени и на «ты», не возражаешь, если мы будем называть тебя просто Аней?

– Не возражаю, конечно, только называйте меня Нюрой,

а не Аней, я так привыкла.

– Ну, теперь пусть каждый назовёт Нюре своё имя, фамилию и где работает.

На собрание пришло 15 человек, и когда все представились, Нюра поняла, что запомнила только первого и последнего, но это для неё пока было и не важно. Дальше собрание покатилось по накатанной дорожке. Следующее собрание через неделю, а пока все мысли занимала школа.

Перво-наперво, Нюра решила промыть и оклеить окна, в своём классе. Придя домой, она поделилась своими планами с Акимовной. Та предложила Нюре свою помощь, и наутро они вместе привели окна в порядок, подготовив их к зиме. Промыли, проконопатили старой ватой щели и заклеили их полосками старых тряпок, намыленных хозяйственным мылом. Глядя на неё и Вера Ивановна промыла и утеплила свои окна. Тамара Афанасьевна никак на это не отреагировала. Акимовна предупредила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.